

ШТУРМ ВОРОТ

КРОКОДИЛ

№ 20 (1634)

ГОД ИЗДАНИЯ 40-й

20 ИЮЛЯ 1961

ЧТО ТАКОЕ «КОМНАТА ОТДЫХА ДЛЯ ПОКУПАТЕЛЕЙ»? ◆ КРАМАТОРСКАЯ КУКУШКА ◆ РЫЦАРСКИЙ ШЛЕМ И ШКОЛЫ-ИНТЕРНАТЫ.

ПОЧЕМУ БЫ НЕ ПОДДЕРЖАТЬ?

Это смелое начинание зародилось в Москве, в магазине Мосмясоторга № 2, что расположен в доме 4/5 по улице Панфилова. Директор магазина С. М. Орданский решил удивить всех новшеством.

Отгородили часть торгового помещения, втащили туда столы и стулья, расставили финикусы в кадках и прибили вывеску: «Комната отдыха покупателей».

Идея, видимо, была такая: пока покупатель, выбив чек за полкило сосисок, идет от кассы к прилавку, он может устать. Вот тут и его услуги комната отдыха. Можно повесить авоську на гвоздь, сесть за столик и почитать газету.

Только почему-то покупатели в эту комнату не спешат. За все время лишь один мальчуган, купив колбасы, забрел туда посмотреть картинки в старом журнале. Да и то не засиделся: прибежала бабушка и моментально извлекла от туда отдыхающего внука.

Удивительно, почему такое начинание не получает дальнейшего распространения. Почему, например, не завести такую комнату в метро? Едет-едет пассажир, устал — вылез на остановке, посидел в комнате отдыха и поехал дальше...

Ф. ЛИХАЧЕВ

Интервью

Корреспондент столичной прессы С трудом в гостиницу проник, Где поселился всем известный Уральский токарь-скоростник.

— Позвольте вас спросить вначале: Как нынче выглядит Урал?

— Вопрос нелегкий: на Урале Я сам давненько не бывал.

Сюда я прямо из Казани,

А предыдущий весь квартал Делился опытом в Рязани

И в Минске лекции читал.

Не отдохнув ни дня буквально,

В столицу прибыл на три дня...

Снимают фильм документальный

Про метод мой и про меня.

— Ну, а потом домой, наверно?

— Нет, не домой, а в Ленинград:

Там про станок мой револьверный

Готовит книжку Лениздат.

Попутно выступлю там в вузах...

— Потом домой через Москву!

— Нет, с делегацией в Тулузу

От профсоюза поплыву.

Там две недели я пробуду,

Потом опять сажусь на «ТУ»...

— И прямо на Урал оттуда!

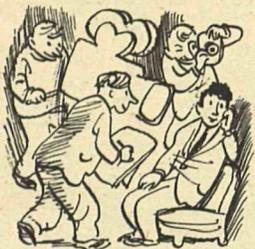
— Не угадали вы — в Читу.

Я приглашен на совещанье

Механизаторов Читы.

— Теперь скажите на прощанье

Про ваши планы и мечты.

— На свой завод мечтаю очень

Слетать хотя б на два денька,

Опять надеть костюм рабочий

И поработать хоть часочек

У револьверного станка!

В. КОНСТАНТИНОВ,
Б. РАЦЕР

Отрыжка рыцарских времен

Есть ли в наше время рыцари? Строят ли они, как бывало в старые времена, неприступные замки и крепости? Вы скажете — нет. А мы скажем — да. И вот тому подтверждение.

Воронежское строительномонтажное управление № 31 (прораб В. Я. Зайченко) треста № 3 (управляющий А. М. Бойченко) окружает крепостными стенами, правда, не замки, а... школы-интернаты. Для чего? На этот вопрос, видимо, затруднится ответить даже руководитель конторы «Облпроект» тов. Мордухович. И все-таки при создании типового проекта он решил оградить школу-интернат от кипучей жизни железобетонной стеной протяженностью в 600 погонных метров, затратив на нее добрую сотню кубических метров сборных железобетонных элементов, нужных, кстати сказать, до зарезу нашему жилищному строительству.

Как видим, рыцарский шлем с забралом пришелся бы вполне по голове некоторым воронежским строителям!

г. Воронеж.

У ЛЕГКОМЫСЛЕННОЙ МАМАШИ...

Кукушка обыкновенная знаменита тем, что кладет яйца в чужие гнезда. О судьбе своих кукушат она не заботится.

Кукушка краматорская поступает точно так же.

Один птенчик краматорской кукушки обнаружился довольно далеко от дома — в Сибири, в Черемховском угольном бассейне, в Крамцовском разрезе № 2. Кличет его экскаватор «ЭГЛ-15». Дитя что надо: уникальная машина стоимостью не в один миллион рублей и высотой с семиэтажный дом.

Но поскольку Ново-Краматорский машиностроительный завод,

едва выпустив чадо за ворота, намертво забыл о его существовании,

гигант вскоре на своей, так сказать, шею почувствовал

родительское легкомыслие. Малейшая поломка незначительной

детали — и стальная громада, раскрыв многозубовый рот ковша,

застывает в позе голодного птенчика. Пришлось для определения

его дальнейшей судьбы создавать авторитетную комиссию с участием

представителей угольного разреза и новокраматорцев.

— М-да... — почесали затылки гости из Донбасса В. Ляшенко и П. Горгуль. — Недоучли... Срочно

нужны запчасти, а то пропало дело...

— Так вы поможете? — обрадовались угольщики.

— Обязательно! — заверили гости и отбыли в Донбасс.

Было это еще в 1957 году. С тех пор черемховцы, ставшие обладателями уникальной груды металлолома, бомбардируют завод письмами. Прожорливый птенчик «ЭГЛ-15» своим бездействием ежемесячно съедает 9 тысяч рубликов амортизационных, а сотни тысяч тонн угля, которые машина могла бы добыть, так и лежат в земле-матушке.

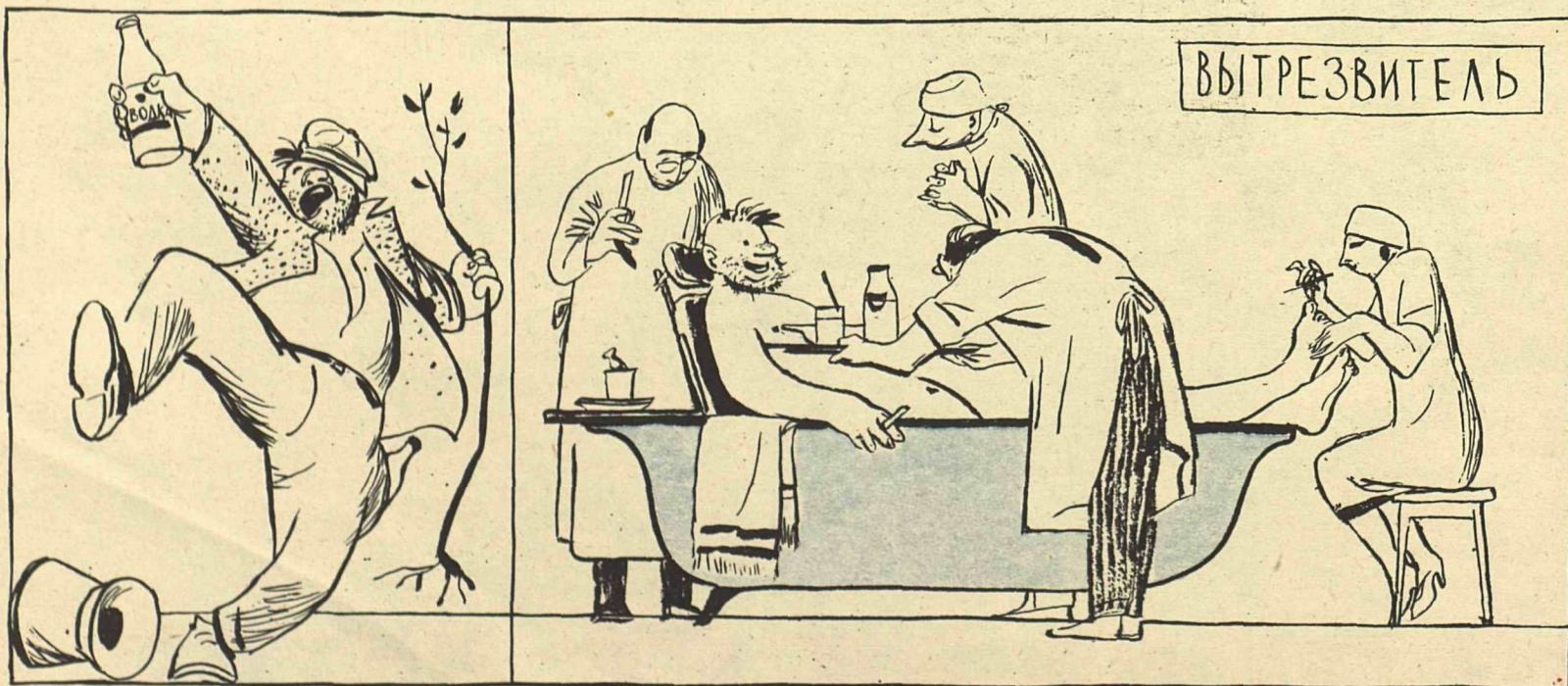
— Пришлите запчасти! — молят угольщики.

А в ответ из Донбасса несется великодушное «ку-ку». Не помогают и жалобы в Сталино, в совнархоз. Директор завода В. Глазырин и его заместитель П. Шульман продолжают плодить птенцов и рассовывать их по белому свету.

Коллективный корреспондент «Крокодила» — редакция

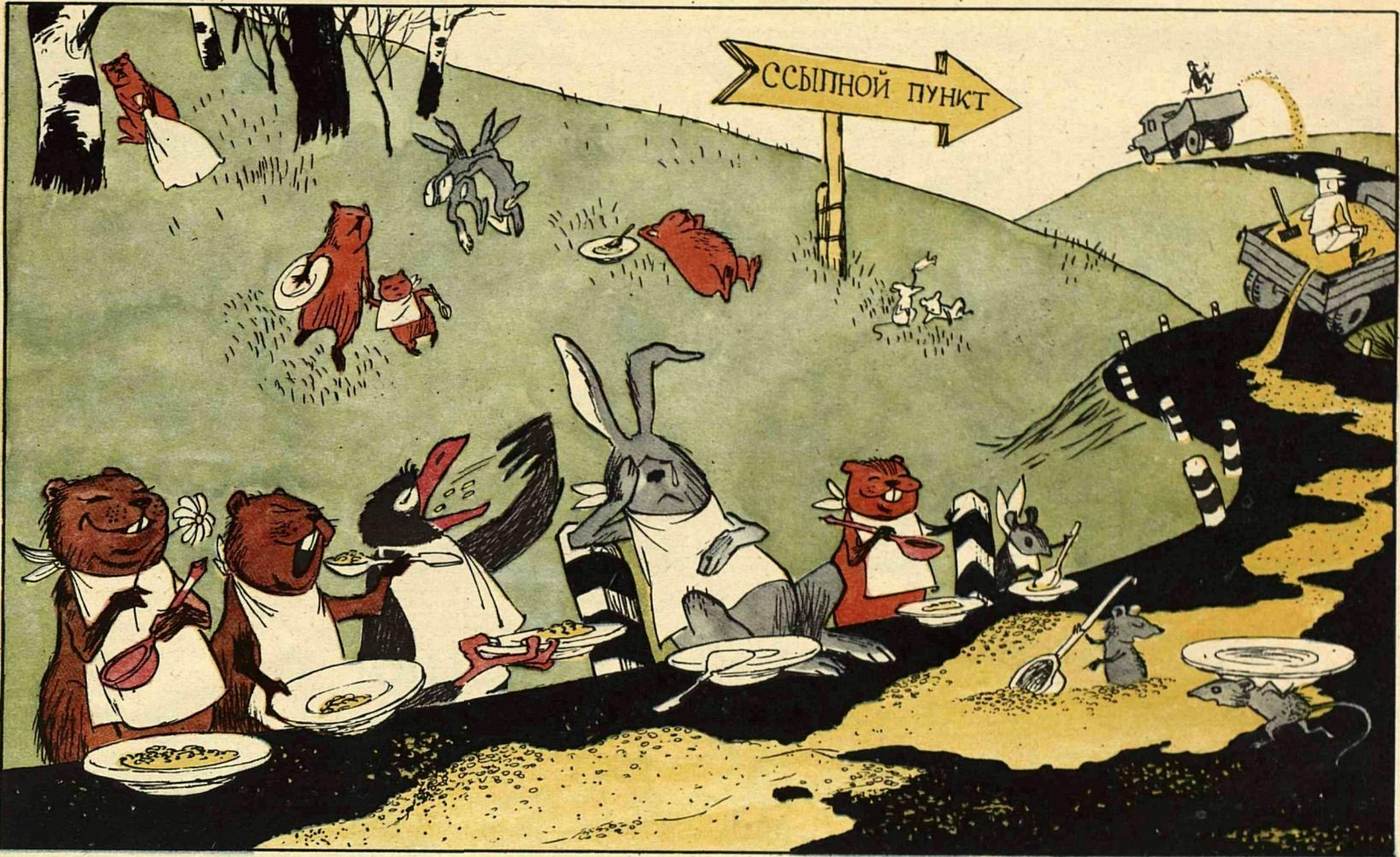
газеты «Черемховский рабочий».

Рисунок Е. ШУКАЕВА

Потрудился!

Теперь и отдохнуть можно...

Обеденное время

Закуска-нагрузка

Все меры по борьбе с алкоголизмом — чепуха по сравнению с той, что изобрел председатель Режевского райпотребсоюза Иван Иванович Никитин. Нет сомнения, он под корень изведет пьяниц.

С такой целью тов. Никитин и поехал в Глинку. Зашел он в магазин и сказал продавцу тов. Латниковой:

— Хватит рутины и косности! Будем торговать по-новому. Поставим обслуживание покупателя на недостижимую высоту. С этого дня вы водку и прочие горячительные напитки продавайте не просто, а с нагрузкой. Каждому покупателю вручайте дополнительно банку маринованной капусты и объясняйте, что, выпив, следует закусить. Так мы и от залежалого товара избавимся и пьяниц подорвем экономически.

Районная газета дала об этом неодобрительную заметку. Но Иван Иванович не так-то легко сбить с занятых позиций:

— А почему не посоветовать человеку, чем закусывать водку, чем — спотыкач, а чем, скажем — зверобой? Напитки разные, и закуски должны быть разные. О нем же, об алкоголике, заботимся. Благодарить должны, а не протестовать.

Одно плохо. Не завалились в магазинах Режевского райпотребсоюза шоколадные конфеты «Трюфель», зернистая икра и страсбургские паштеты. А то бы тов. Никитин куда быстрее достиг своей цели. Вконец бы пьяниц разорил. Довел бы их, окаянных, до сумы ускоренными темпами.

А. ИСАКОВ,
сотрудник газеты
«Знамя коммунизма»

г. Реж, Свердловской обл.

В ВОРКУТУ КУПАТЬСЯ...

Критиковали тов. Мошонкина, главного инженера управления лесной промышленности совнархоза Коми. И в заключение объявили ему выговор.

Вина главного инженера действительно немалая. Дело в том, что он отвечает за технику безопасности на сплавах запанях, где лихачу-сплавщику не мудрено соскользнуть с мокрого бревна в воду. Выяснилось, что тов. Мошонкин уделяет этому вопросу непростительно мало внимания. Он даже не удосужился подготовить кадры спасателей.

И вот на вышеупомянутом совещании в совнархозе тов. Мошонкин, качаясь под тяжестью выговора, встал и, осердясь, сказал:

— Нашли, за что выговоры давать! Да я вам сейчас же подготовлю сколько угодно спасателей!

В тот же день полетели телеграммы. Из всех леспромхозов срочно выехали в Сыктывкар здоровенные парни. В Сыктывкарском аэропорту происходили такие диалоги:

- Откуда приехал?
- Из Объячева.
- А куда едешь?
- В Воркуту, купаться.

Двадцать четыре парня были доставлены самолетом в заполярный город Воркуту. Здесь зверствовал мороз и метель ва-

лила людей с ног. Но будущие спасатели, не обращая внимания на расшалившуюся погоду, целыми днями тренировались в подогретой, ласковой воде. Они плавали, гоготали, ныряли и вытаскивали друг друга за уши.

Мы ничего не имеем против, если тов. Мошонкину вдруг захотелось доставить ребятам удовольствие и дать им возможность покупаться в зимнем бассейне. Наоборот, мы очень ценим этот глубоко гуманный, альтруистический поступок. Но беда в том, что командировочные и прочие расходы на купание в Воркуте Мошонкин производил не из своего кармана.

Это купание обошлось государству в 5 тысяч рублей новыми деньгами. Сколько спасате-

лей можно было бы подготовить на эти деньги, если бы купание было организовано прошлым летом на обильных водах Вычегде и Сысолье без отрыва от сплавных запаней! Да и уроки дали бы больше пользы. Для спасения на реке, как известно, используются лодки, плоты и другие средства, пользованию коими в купальном бассейне обучиться трудновато.

Зато сейчас никто не посмеет упрекнуть тов. Мошонкина в пренебрежении спасанием в водах. Никто не будет его распекать и снимать с него стружку: деньги-то, отпущенные на это дело, израсходованы полностью!

А. МАТВЕЕВ

г. Сыктывкар.

Дорогой Крокодил!

У нас в городе Перми в саду имени Горького есть карусель для детей, а около нее висят правила, написанные крупным шрифтом. Правило второе я для тебя списала, вот оно:

«ВО ИЗБЕЖАНИЕ ВЫПАДЕНИЯ ИЗ СИДЕНИЯ ЖИВОТНЫХ ПАССАЖИР НЕ ДОЛЖЕН

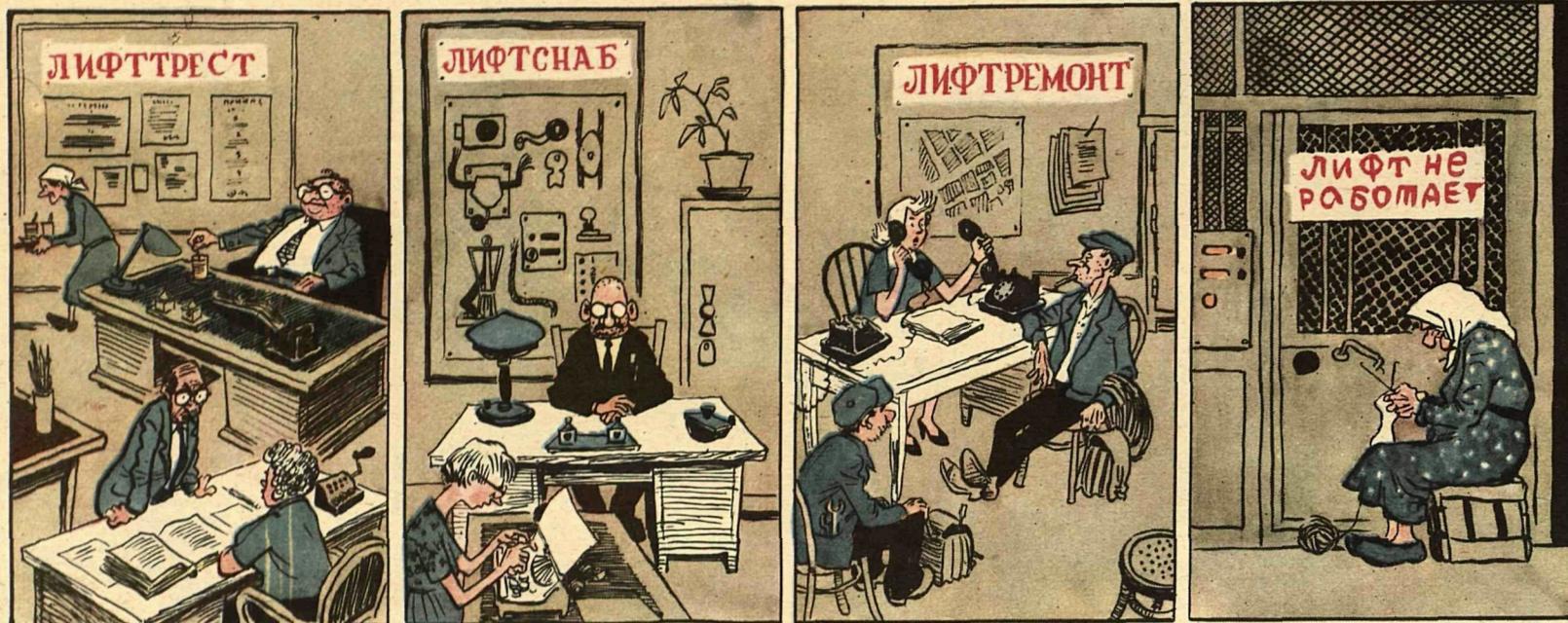
БРОСАТЬ РУК ОТ РУЧЕК ЖИВОТНЫХ ДО ПОЛНОЙ ОСТАНОВКИ КАРУСЕЛИ!»

Наверное, дядя, который это сочинил, не закончил и трех классов. Как ты думаешь?

РАЯ РАЙХЕР,
ученица 3-го класса

г. Пермь.

«ТОРГУЕМ ПО-НОВОМУ» ◆ СПАСАТЕЛЬНАЯ ОПЕРАЦИЯ ТОВ. МОШОНКИНА ◆ О ПОЛЬЗЕ ГРАМОТНОСТИ.

Все на своих местах...

ПЕРЕРЕЗАННЫЕ ПРОВОДА

ЛАМЯ свечи нервно колеблется. По стенам прыгают тусклые тени. Учитель Серафим Алексеевич Агриков пишет письмо в редакцию Крокодила.

Где-то — и близко и далеко от этой темной квартиры — рычат могучие турбины электростанций, взмывают в небесные выси многотонные лайнеры, режут голубое полотно Волги ракетоподобные корабли на подводных крыльях. Где-то совсем рядом деловито и лукаво мигают лампочки кибернетических машин; в соседней квартире радио вещает о прыжках в межзвездные дали; в арктических льдах незримые мышцы атома ломают толщу торосов.

Страна вступила в эпоху сверхскоростей и сверхэнергий, электроники и синтетики.

Потрескивает свеча. Поскрипывает перо. Саратовский учитель Серафим Алексеевич Агриков круто повернул к эпохе лучины, кремня и огнива.

* * *

На лето учитель оставил квартиру: каникулы. Да еще капитальный ремонт дома. Учитель запер двери и с легким сердцем уехал.

К осени он почувствовал себя нехорошо. Доктор определил хронический аппендицит. Учителя положили во 2-ю городскую больницу и сделали ему операцию. После стационарного лечения он нуждался в лечении амбулаторном.

Вернувшись домой, учитель обнаружил квитанцию. Трест электросетей города Саратова извещал гражданина Агрикова, что, согласно показаниям счетчика, он потребил за лето 1042 киловатт-часа электроэнергии. И соответственно должен уплатить несколько сот рублей.

Учитель остолбенел: за это время он бывал в квартире всего несколько раз. Потом он рассмелся: нелепость! Он проверил расчеты: не 1042, а только 42 киловатт-часа. Явная и, очевидно, невольная приписка.

Съемщица Тарамышева, взглянув на квитанцию, охотно согласилась:

— Я, конечно, ошиблась. Мы это исправим.

Через несколько дней учитель получил новое уведомление. Трест городских электросетей строго предписывал гражданину Агрикову немедленно и сполна уплатить за 1042 киловатт-часа.

Прошел еще день. Вечером, придя из школы, учитель потянулся к выключателю. Выключатель щелкнул тоскливо и беспомощно. Квартира тонула в вечернем сумраке. Над окном свисали, болтаясь, перерезанные провода.

Учитель поспешил в контору.

— Дорогие товарищи, ведь это же ошибка! — взмолился он. — Тысячу киловатт мои две лампочки и за три года не сожрут.

Начальник абонентного отдела ТГЭС тов. Цветков бдительно стоял на своем посту.

— Ничего не знаю, — твердо сказал он. — Может, вы за три месяца сожгли больше, чем за три года. Цифра есть цифра. Меня не проведешь!

— Но меня действительно не было дома три с лишним месяца. И никого не было. Показания счетчика вполне согласуются с моими показаниями. Это просто арифметическая ошибка. Даже не ошибка, а описка.

— Ничего не знаю. Хотя, впрочем, принесите справку из больницы. Так и быть.

Учитель явился со справкой и с курортной книжкой. Однако начальник абонентного отдела по-прежнему бдительно стоял на посту. Он брезгливо повертел в руках документы и, возвращая их, лениво бросил:

— Подтвердите ваше отсутствие в квартире справкой уполномоченного по дому.

— Вы можете сейчас же снять трубку и позвонить в больницу.

— Ничего не знаю. Разговор есть разговор, а бумага есть бумага.

Учитель явился со справкой, подписанной уполномоченным по дому тов. Мериновым. Справка удостоверяла — в целом и в подробностях, — что учитель С. А. Агриков действительно отсутствовал, действительно лечился, действительно отдыхал и т. п.

Начальник абонентного отдела, как всегда, бдительно стоял на своем посту.

— Заверьте подпись уполномоченного подписью управляющего домами.

Управляющий тов. Рогов стоял на посту не менее бдительно, чем тов. Цветков. Он подумал и решительно изрек:

— Ваша справка из больницы правильная? Правильная. И по закону подтверждающей справки не требуется. Если, однако, электрики не верят вашей больничной справке, пусть они напишут нам справку о том, что им нужна справка, подтверждающая ту, первую справку. Вот тогда, может быть, я такую справку подпишу.

Учитель пришел домой и при свечке написал заявление начальнику абонентного отдела:

«Согласно Вашим указаниям и по требованию управдомами, прошу дать справку для управдомами о том, что вам требуется от управдомами справка, подтверждающая справку из больницы о том, что я лежал на операции, был в отпуску и на лечении и в квартире отсутствовал».

Спал учитель плохо. Ему снился хоровод справок. Сцепившись параграфами и криво ухмыляясь, справки кружились вокруг него в вакуумной канцелярской перепляса. Он пытался

разорвать эту заколдованную цепь танцующих бумажек и не мог. А справки горланили: «Каравай, каравай, какую хочешь, выбирай!..»

Наутро, освежив голову холодной водой, учитель направился по знакомому маршруту в контору треста электросетей. По пути он заметил вывеску «Юридическая консультация» и решил побеседовать с юристом.

Юрист несколько раз перечитал заявление учителя и, пожав плечами, сказал:

— Ничего не понимаю. Скажите, как вы себя чувствуете?

— Я вполне здоров, — заверил учитель. — Что же касается моего дела, то оно отнюдь не из сложных. Проще простого! Управдомами требует, чтобы я взял справку в ТГЭС о том, что ТГЭС нужна от управдомами справка о том, что справка о том, что я был в больнице, соответствует действительности. Короче говоря, ситуация, подобная той, какая описана в известном юмористическом рассказе Виктора Ардова.

— Пойдите, пойдите! — возразил юрист. — Значит, вам нужна справка о том, что этим нужна справка о том, что тем нужна справка о том... Нет, ничего не понимаю! Давайте лучше на бумаге. Значит, так: точка А написала заявление точке Б о том, что точка В требует от точки Б справку о том, что ей, точке Б, действительно нужна справка от точки В о том, что справка, выданная точкой Г, может быть подтверждена точкой В... Кстати, вам не кажется, что Лобачевский — это я и есть?

Юрист захохотал и обмакнул ручку в чернильницу обратным концом. Потом он достал папиросу и, сунув ее в рот задом наперед, попытался поджечь мундштук.

— До свидания, — грустно сказал учитель, вставая. — Извините, что побеспокоил.

И ушел домой.

И сел писать письмо Крокодилу:

«...Электроэнергию мне так и не включили. До сих пор над окном висят перерезанные провода. Прошу помочь мне освободиться от свечи, ведь это тянется давно...»

* * *

Чадит неверный, колеблющийся огонек свечи. Прыгают по стенам тусклые тени. Поскрипывает перо.

Коптит свечка на столе учителя Агрикова в современном цивилизованном городе Саратове. И сидят в своих кабинетах Цветков, Рогов и им подобные. И лениво повторяют:

— Ничего не знаем. Цифра есть цифра. Бумажка есть бумажка. Нас не проведешь!..

А. ВИХРЕВ

МОЙ СОСЕД ИВАН ИВАНЫЧ

С Иваном Иванычем мы соседи. Однако видимся крайне редко, поскольку он долгое время был по горло занят поисками подходящей работенки. Наконец встретились.

— Здравствуйте.
— Пламенный привет! — Голос соседа звучал бодро, даже весело. — Как живу? Отлично! Работенку подыскал приличную, номенклатурную и горю на ней. Ну, а вы все в стройтресте? Как там поживает ваш брендмейст... то есть я хотел сказать управляющий? Шипит по-прежнему на всех, как неисправный огнетушитель? Хотя и расплевались мы с ним, но я обиды на него не держу. Несправившийся так несправившийся. Мне все равно, что горит, что тлеет.

Я обратил внимание, что Иван Иваныч начал разговаривать пожарными терминами.

— А я и есть пожарный! — радостно подтвердил сосед. — Я же начальником пожарной работаю. Ну, извини, спешу. Надо одно дельце в пожарном порядке провернуть.

Месяц спустя я увидел его на улице. Он шагал, помакивая портфелем и насвистывая мотивчик из «Веселой вдовы».

— Как делишки?
— Порядок! В делах — полная гармония. Временем располагаете? Зайдем-ка в ресторан, там, кажется, ровно в одиннадцать занавес поднимается. Посидим, потолкуем...

— Но ведь вы, наверное, спешите? Пожарное дело — оно такое...

— Так я ж теперь не пожарный. Расплевался с огнем, будь он не ладен. Еле «по собственному» ушел. Иное пламя бьет сейчас в моей груди — пламя святого искусства: директором нашего Дома культуры работаю.

Я ведь музыку с детства люблю. Как это:

Ветерок чуть кольшет
листочки...
Ти-ри-ри, та-ра-ра, трам-пам-пам...

И, махнув на прощание портфелем, исчез.

Потом я столкнулся с ним на арматурном заводе.

— Вы что здесь делаете, слушатель муз?

— Слесарю здесь, — вздохнул он, — гримаса судьбы. Дерет она меня драчовым напильником до самых костей. А с музами я, конечно, расплевался окончательно и бесповоротно.

После этого сосед долго не попадался мне на глаза. И вдруг встречаю его в парке. Важный такой. Одет по-модному. Глаза прикрыты темными стеклами в золотой оправе.

— Ух, какой вы стали шикарный! Откуда это?

— От верблюда, — шутливо отозвался сосед. — Хватит судьбе из меня отбивную котлету делать! Я ведь из цеха ушел. Неплохо там было, но... разъяснили, что работнику с таким руководящим стажем гайки завертывать неудобно. Теперь мясным магазином заведу. Заходите, отведаем свежей буженички.

А недавно мы увиделись на стадионе.

— Физкультпривет! — небрежно буркнул он. — Настроение? Бодрое. Бью по жизни в самую «девятку». Главное, всегда в форме быть, тогда любую высоту перемахнешь, не сбив планки. А мясо — тьфу! Я из-за него едва под суд не угодил. Теперь председателем городских спортивных обществ вкальваю.

...Я долго глядел ему вслед и тревожно думал: «А ведь он и на новом посту долго не продержится. Уж больно быстро начала разваливаться спортивная жизнь в городе».

Вот он каков, мой сосед. Не подумайте только, что я его выдумал. Иван Иваныч — лицо очень даже реальное. И, к сожалению, не одинокое. Хотите убедиться? Поезжайте в город Текели, Алма-Атинской области, да прислушайтесь, что говорят там о некоем Михаиле Николаевиче Калимулине. Так вот, если из нашего рассказа вычеркнуть имя Ивана Иваныча и вписать его имя, почти ничего изменять не придется. Калимулин, как и соседка моя, превесело вращается себе по номенклатурной орбите, время от времени сигнализируя:

— Скоро, братцы, начну расплевываться и здесь. Прошу поторопиться с подбором новой работенки.

До каких же пор ему резвиться?

О. ПЕТРОВ

Рисунок Л. САМОЙЛОВА

ЯЗЫК АННЫ ПАВЛОВНЫ

Анна Павловна не знает,
что такое лень
Анна Павловна болтает
целый божий день.

Вся иссохла, исхудала,
даже впал живот.
От скандала до скандала
только и живет.

Вся костлявая, как мощи,
нет ее худей.
Но язык у дамы тощей
без костей.

Как увидел я воочью
рядом даму ту, —
с той поры и днем и ночью
чту одну мечту:

вот бы взять за серьги-ушки
красю-карусель,

да энергию болтушки
всю направить в цель.

С точки-кочки даму сдвинуть
да в погожий день
на движок-язык накинуть
приводной ремень.

Вот бы было! Вот бы кабы!
Ведь наверняка
много пользы принесла бы
сила языка.

Что он мог бы делать! Много!
Дел не перечесть:
травостой косить у лога,
стряпать, штопать, мечь,

тес строгать пиле вдогонку,
чистить птичью клеть,
глину мять, дробить щебенку,
жернова вертеть!

Сергей ВАСИЛЬЕВ

КАРМАНОЛОГИЯ

Древнегреческий врач Гиппократ был медиком-универсалом. Он лечил все болезни.

Однако по мере развития врачебного искусства выяснилось, что такая универсальность ни к чему. И тогда доктора стали специализироваться: одни — по нервам, другие — по глазам, третьи — по зубам и так далее.

Что касается врача 8-й городской больницы г. Днепропетровска В. Р. Кияна, то он облюбовал себе самый труднодоступный участок — карман. И, нужно прямо сказать, добился на этом поприще значительных успехов.

Вот основные вехи его незаурядной деятельности.

Приехав в Днепропетровск, врач-рентгенолог Виктор Романович Киян почувствовал, что его беспокойная душа не хочет довольствоваться просвечиванием хорошо изученных грудных клеток. Она жаждет проникнуть в неизведанную область нагрудных карманов. И Киян приступил.

Свой первый карманологический опыт медик-искатель посвятил великому естествоиспытателю. На улице Дарвина, №8, он купил за три тысячи пятьсот рублей дом. После этого наступила пора поисков. Виктор Романович терпеливо просвечивает, выслушивает, зондирует, прощупывает. Наконец к нему приходит долгожданная удача: он продает этот дом за семь тысяч рублей!

Не отходя от кассы, Киян затевает новый карманологический эксперимент. Он вступает в жилищный кооператив.

Спекулятивная фортуна вновь сопутствует Виктору Романовичу. Затратив всего лишь две тысячи пятьсот рублей, он получает трехкомнатную квартиру в доме № 23 по Севасто-

польской улице. И тут же, наученный сладким опытом, врач-рвач «загоняет» ее за десять тысяч триста рублей. Эффект превосходит все ожидания!

Окрыленный успехом, неутомимый Киян не останавливается на достигнутом. Немедля он переходит к очередной операции: покупает за семь тысяч рублей домовладение по улице Кольцова, 10.

Покупает и сразу же принимается за дело: завозит на новый плацдарм купленные на государственном складе строительные материалы: надо же побыстрее выстроить очередной дом для продажи. А заодно и гараж для приобретенной на нетрудовые доходы «Волги». Время-то ведь не ждет. Тем более, что оно, время, нынче такое, когда тунеядцев, хоть и замаскированных, по головке не гладят. Вон даже райисполком, уж на что многотерпелив, и то не выдержал. Принял решение:

«Учитывая, что гр. Киян В. Р. не нуждается и не нуждается в жилплощади, а спекулирует домами, передать материал прокурору Октябрьского района для привлечения г. Кияна Виктора Романовича к уголовной ответственности».

Но верно говорится: не так страшен черт, как его малюют. У районных властей, видимо, не доходят руки до спекулянта жилплощади: они весьма тихо поспешают с выполнением своего решения. И у врача-карманолога отлегло от сердца и от кармана: авось, обойдется! Авось, будет еще у него и на какой-нибудь другой улице праздник!

Я. АРКАДЬЕВ

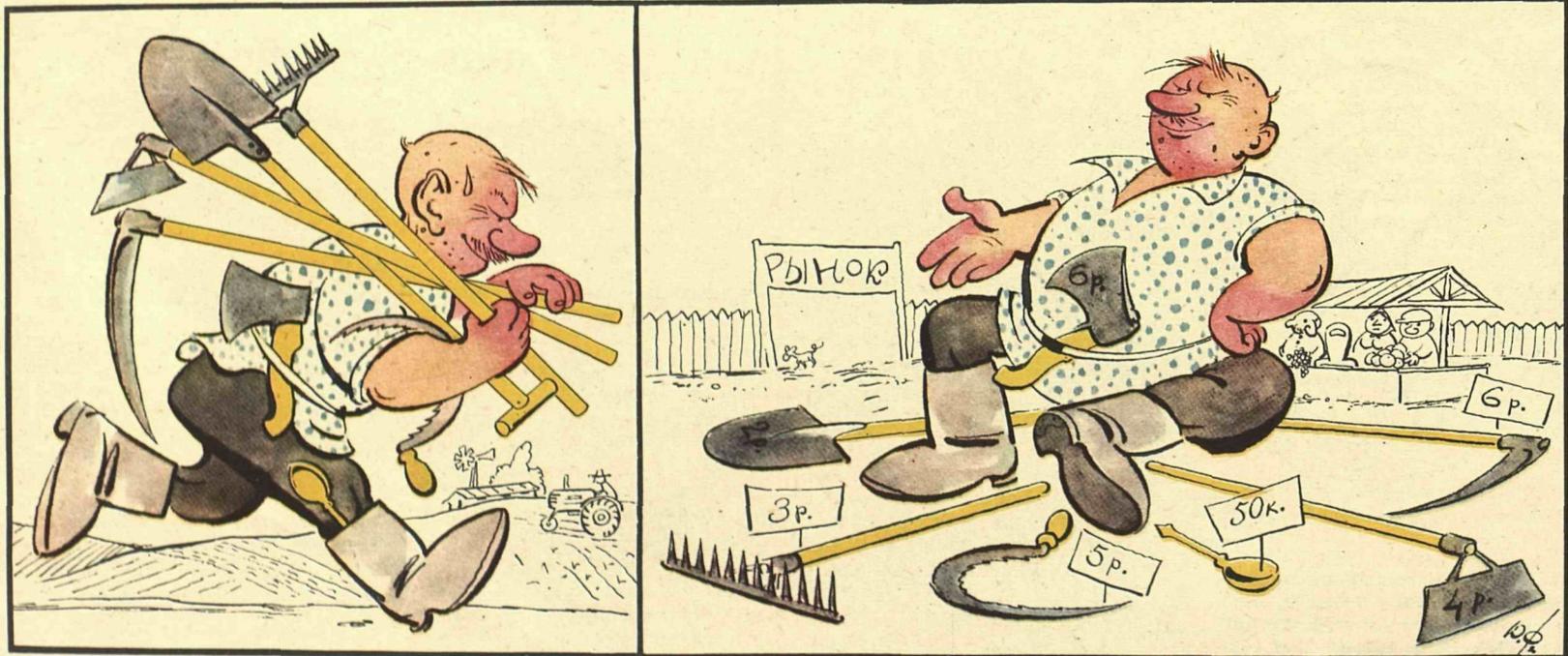
Чудо-чадо

Был ребенок как ребенок, никаких особых черт: без отрыва от пеленок по ночам давал концерт. С ног сбивались мама, няня, причитая на бегу:
— Успокойся, Ваня! [Таня!]
Он [она] в ответ:
— Агу!

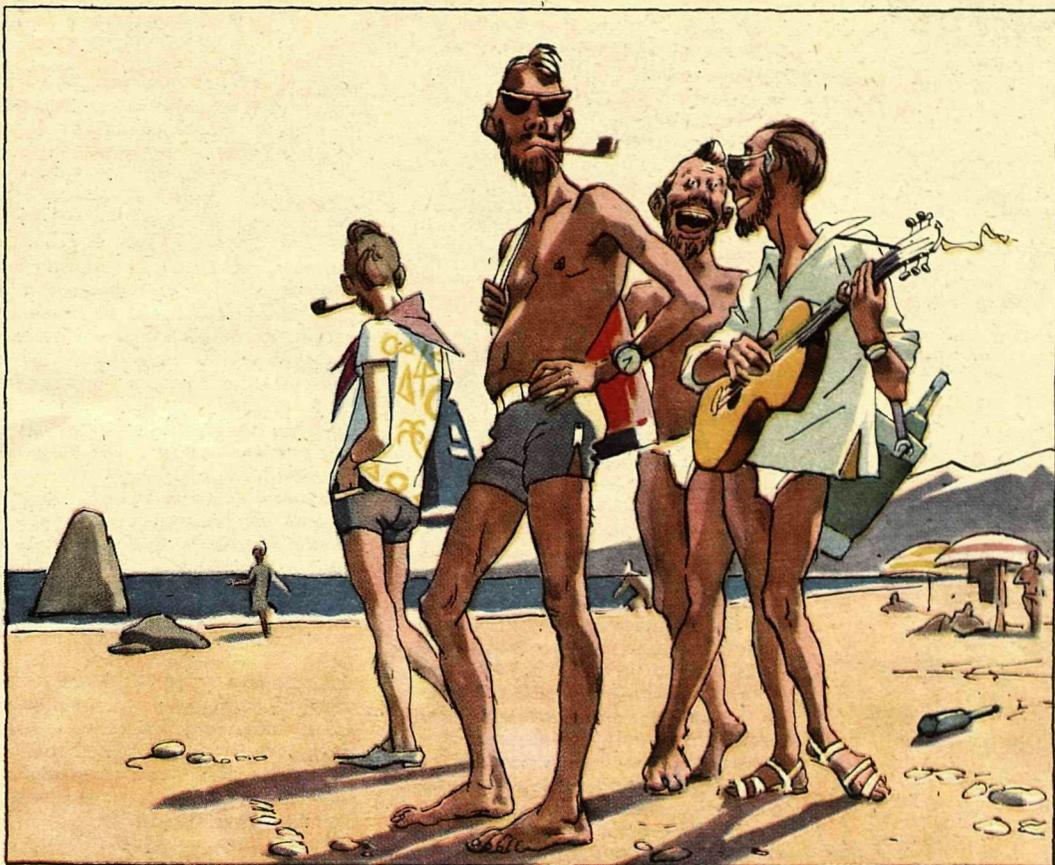
Ваня [Таня] с кислой миной ничего не ест, не пьет. Над дивчиной [над детиной] пляшет мама с мандолиной:
— Хочешь, папочка споет!
— Вот тебе кусочек сыру!
Встал папаша [не впервой!]
и запел на всю квартиру:
— По дороге фронтовой...
В пляс пустились бабка с дедкой, смотрят чаду прямо в рот.
— Съешь котлетку!
— Съешь конфетку!
— Скушай, детка, бутерброд!
А ребенок — просто чудо, музыкальный индивид: в такт кастрюлю или блюдо об пол грохнуть норвит. Так вокруг поют и пляшут, что невольню чадо их и не сеет и не пашет, а «молотит» за двоих. День за днем пройдут года незаметно, и тогда...
Юный сын наденет шляпу, дав нагрузку голове, выпьет стопочку за папу и за маму с бабкой — две.
Чудо-чадо в час печальный по Указу [неспроста!] захрохочет в специально отведенные места. Там и сеют, там и пашут, там воспитывает труд... Как родители заплашут, что над чадом запоют!!

Александр НИКОЛАЕВ

Рисунок Ю. ФЕДОРОВА.

Чуть свет, а он уж на «работу».

Старики и море.

Варвара КАРБОВСКАЯ

Не пойти ли на новоселье?

Нынче вечером новоселье у П. П. (Я потом, в конце, объясню, почему я не называю его по имени, а ставлю пока только инициалы.) Наверно, я долго и мучительно ломала бы себе голову, что подарить новоселу, если бы не наша последняя встреча неделю назад на зеленом поэтическом берегу Истры.

Если бы не эта встреча, я прикидывала бы в уме: может быть, вазу? Или графин с рюмками... Или все-таки вазу? Но теперь я знаю, чем доставить ему огромное удовольствие. Ведь надо сделать что-то такое, чтоб человек радостно воскликнул:

— Да, именно это я люблю! Именно это мне нравится и приводит меня в прекрасное настроение и даже в восторг!

Уж я постарюсь. Он будет доволен. Значит, так: прежде всего я куплю торт. Затем бутылку шампанского или коньяку и клубники. Килограмм или два кило — там видно будет. Только прошу вас, товарищ читатель, обратите внимание на упаковку, это очень важно. Торт в картонной коробке. Коньяк в стеклянной бутылке, ягоды в бумажном пакете. Да, я еще забыла про консервы. Он, кажется, предпочитает шпроты, возьму две коробки. Жестяные.

Но это не все. Кроме перечисленного, собираясь на новоселье, я захвачу с собой чернильный карандаш, спички, немного бензина и топор. Зачем? Сейчас объясню. Обо всем по порядку. Вообразите себе, я вхожу в новую квартиру П. П. и первое, что я говорю, это:

— Ах, какой прелестный вид! Как легко дышится! Солнце, воздух и вода. (Я имею в виду водопровод с горячей и холодной водой.)

После этого я выкладываю торт на блюдо, шпроты на тарелку, высыпаю клубнику в вазу, разливаю шампанское по бокалам. Это я делаю, чтобы поскорее опростать тару.

Ну, а теперь можно приступать к самому приятному, к тому, что особенно пленяет П. П. Широкий, молодецкий жестом я швыряю коробку из-под торта, перемазанную кремом, на диван. Или нет, лучше так: крышку на диван, а

донышко с крошками и всякой мазней на письменный стол. Пакет, пропитанный клубничным соком, я рву на части и разбрасываю их по полу. Хватаю пустую бутылку и изо всей силы звякаю о паркет. Вдребезги! А консервные банки с их рваными железными краями? Я бросаю банки в ванну.

Видя, как проясняются и светлеют лица новоселов, я восторженно кричу им:

— Это еще не все, дорогие мои! Я-то знаю, что вам особенно нравится! Уж я-то вам угрожу...

И тут я берусь за топор. Один взмах, и от стенки отскакивает штукатурка. Можно трахнуть и по двери и отколоть изрядный кусок филенки. «Дайте мне скорее карандаш и спички!» Я вывожу на ободранных дверях:

«В + П, в память о встрече».

Потом я хватаю спички и выжигаю по написанному навечно, пусть новосел любитесь надписью всю жизнь, когда ходит из двери в дверь. Не убирайте спички, они еще пригодятся! Надо облить бензином оконные рамы и подпалить их.

Все! Порядок. Будем петь, целоваться и радоваться, что у нас так здорово получилось! Все полностью в вашем вкусе, П. П., голубчик!

Или как? Если бы я осуществила то, о чем здесь написано, вы, П. П., не дали бы мне ни петь, ни целоваться, а немедленно кинулись бы на улицу звать милиционера:

— Скорее сюда! Заберите эту безобразницу, эту свинью, которая изгадила мою квартиру!

И меня бы забрали и дали пятнадцать суток, если бы учли мою расшатанную нервную систему. А если бы не учли, то дали бы и больше, года три за хулиганство. И еще присудили бы возместить убытки.

Но зачем же сразу звать милицию? И негодовать? Нужно же быть последовательным.

Вспомните, П. П., как вы неделю назад проводили время на берегу Истры. Вы, ваша супруга и детишки приехали с рюкзаками, наполненными всякой снедью, и расположились на изумрудной полянке, усыпанной золотом лютиков. Березы раскинули над вами зеленый шатер,

охраняя от зноя. Где-то куковала кукушка и пробовал голосок дрозд-белобровик. Над чистой рекой порхали голубые стрекозы. Вы воскликнули:

— Ах, какой прелестный вид! Как легко дышится, в полном смысле — воздух, солнце и вода. Вы загорали и купались, попили и поели. Впрочем, про себя вы деликатно говорите: покушали. Значит, так: покушали, наладились водки и решили доставить себе полное удовольствие. Взяли в руки топор и саданули по красавице березе. Сделали на ее белом теле огромную рану и выжгли на этой свежей ране свои инициалы «П. П.». Пустой бутылкой вы трахнули о пенек. Но вы заботливый муж и отец. Вы предупредили жену и детишек:

— Не ходите туда, там осколки.

Пустые консервные банки с рваными краями вы бросили в реку.

«А то еще налетят мухи, это негигиенично. А мы уже все равно купаться больше не будем».

Вы, страстный фотоловитель, сказали жене:

— Сядь вот сюда, здесь красиво. Прими позу. Только сперва отбрось подальше коробку из-под торта и бумагу. А то все это выйдет на фотографии и испортит снимок.

Вечером, перед уходом, вы подожгли сосенку, предварительно облив ее бензином (вы, кажется, приехали на машине?). И восхитились факелом в сумерках, уверяя, что это похоже на торшер, только без абажура.

Если бы я рассказала обо всем этом, оправдывая свои поступки на новоселье у П. П., он бы возмутился:

— Тоже мне, сравнила! Одно дело — квартира, а другое дело — лес...

Нет, почему же другое дело? Квартира в государственном доме досталась вам бесплатно, в ней вы вылизываете каждый уголок. А лес тоже государственный, народный, ваш, мой, в нем вы мусорите, сколько можете. Да что тут объяснять, все и так понятно.

Непонятно только одно: почему П. П., который только что получил новую квартиру, который имеет фотоаппарат и снимает жену в роскошных позах, который выписывает и читает газеты и журналы, а в них из года в год — фельетоны про то, как он пакостничает в лесу и на берегах рек, — почему он не стыдится, не перестает пакостничать, а продолжает в том же духе?

Или потому, что все кругом деликатничают, в том числе и мы, пишущие о нем? Не называю же я его по имени и фамилии, а проставляю только инициалы — П. П.

Я могла бы объявить, кто он, где живет, кем и где работает. Но ведь пишешь и думаешь: дойдет же до человека в конце концов! Что хорошего, если соседи и сослуживцы будут смотреть на него насмешливо прищуренными глазами и говорить между собой:

— Оказывается, он только прикидывался культурным. А на самом деле он дремучий хам. — И припомнят: — Может быть, это он обтирал свои пыльные башмаки о портьеры в клубе? Мы еще удивлялись, откуда на них грязь. И насовал окурков в банки с цветами... Теперь, когда мы знаем, что он творит всякие безобразия там, где нет поблизости сторожа или милиционера, мы невольно начинаем думать: уж не он ли сделал то или это?

Про него будут говорить: кто для потехи мог изуродовать вековое дерево или накидать битого стекла на пляже, тот может сделать всякую мерзость. Недаром же про него написали в журнале...

Вот поэтому сегодня в последний раз мы не назовем его по имени. Еще раз деликатничаем. Но я так и представляю себе эту журнальную полосу, на которой будут фотографии, фамилии и краткие описания художеств: такой-то в пьяном виде изуродовал пять столетних берез; такой-то поджег сосну. А этот совершил злое преступление: нарубил саженого молодняка для костра. А уходя, не потушил костер. И выгорел весь остальной молодняк, не порубленный. Представляю себе это с глубоким и искренним огорчением, потому что предвижу: персонажи для этой журнальной полосы найдутся. Может быть, их фотографии, сделанные на захлапленном ими месте, пришлют в редакцию дружинники-комсомольцы? А как было бы приятно получить сообщение такого рода:

«В наших лесах никто не портит природу. Каждый из нас заботится о том человеке, который придет в лес вслед за нами».

Вот это было бы здорово! Ну что ж, подождем, что принесет почта.

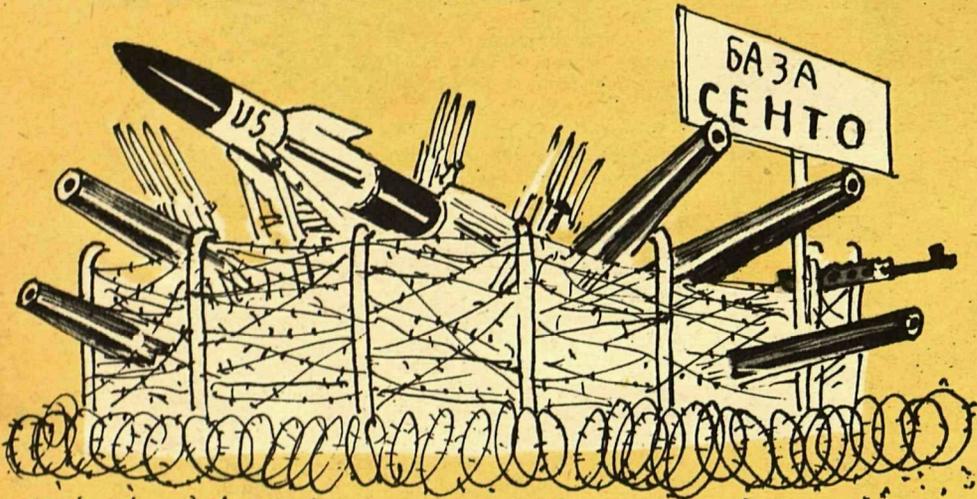
ДОЛЖЕН ЛИ НАРОД БЕСПОКОИТЬСЯ?

В помощь иранскому премьер-министру

Просматривая недавно отчет о пресс-конференции премьер-министра Ирана господина Амине, мы встретили фразу, которая поразила наше воображение. «Народ не должен беспокоиться», — сказал премьер.

Судя по всему тому, что нам было известно о положении нашего южного соседа, нам казалось, что дело обстоит как раз наоборот: народу есть о чем беспокоиться. Ведь нищета трудящихся, коррупция среди правящих кругов, закабаление экономики иностранными компаниями, милитаризация страны — все это общеизвестные факты иранской действительности.

Но раз господин Амине сказал, что народ не должен беспокоиться, мы решили еще раз пересмотреть известные нам факты и проверить, насколько они соответствуют жизнерадостным высказываниям премьер-министра. В результате и появились эти маленькие заметки.

Жатки и лимузины

Все в порядке в Иране и с сельским хозяйством. Сельское хозяйство в Иране есть. Иран — страна аграрная, и превращения в промышленную пока что не предвидится.

Правда, у этой аграрной страны не хватает не только металла, но и пшеницы, ее приходится покупать. И опять же помогает американский дядюшка. Так что со снабжением все в порядке. В связи с этим газета «Сепид ва сиях» писала: «Весте о покупке зерна в США тяжелым камнем легла на наши сердца». Почему же аграрная страна не имеет своей пшеницы? Земля есть, крестьяне есть, помещики есть, а вот пшеницы нет. Причем крестьянам отдано целых 15 процентов земли; у помещиков, естественно, остаток — 85 процентов. Кое-кто в Иране говорит: «Хотите иметь пшеницу — проведите земельную реформу, дайте крестьянам землю». Легко сказать! дайте землю! Ведь землю без реформы не дашь. А реформу надо выработать. И этим делом занималось уже не одно правительство. Газета «Эрадее Азербайджан» сообщает, что разговорам о реформе нет конца и края. Пшеницы также нет. Впрочем, нет и сельскохозяйственных машин. Журнал «Техране Моссавар» писал: «Общее число сельскохозяйственных машин по всему Ирану составляет 5 тысяч, то есть в 11 раз меньше, чем число роскошных лимузинов в Тегеране».

Злые языки утверждают, что это сравнение указывает на то, что сельскохозяйственных машин мало. Оптимисты же возражают, что не сельскохозяйственных машин мало, а много лимузинов. А это хорошо. Стоит ли после этого беспокоиться?

Общий карман

Нефть нужна всем. Но у одних она есть, а у других ее нет. И те, у кого она есть, продают ее тем, у кого ее нет. Взять, например, Иран. По добыче нефти он занимает на Востоке после Кувейта и Саудовской Аравии третье место. Значит, нефть у него есть, и, как полагается, он ее... Здесь логическая цепь нарушается. Дело в том, что Иран свою собственную нефть, в общем-то, не продает. Нашлись добрые заокеанские дядюшки, которые взяли на себя эту обязанность. Так что с нефтью в Иране все обстоит благополучно. Здесь имеется Международный консорциум, состоящий из представителей крупнейших монополий Запада. Львиная доля прибылей принадлежит, разумеется, монополиям США. Вот эти монополии и взяли на себя черную работу по превращению чужой нефти в доллары. С каждой тонны иранской нефти Консорциум получает 12 долларов прибыли. На территории, где он действует, в его распоряжение переданы все заводы, нефтепроводы, электростанции, телеграф, телефон, порты, железные дороги и воздушные линии, аэродромы. Иранцы могут не беспокоиться, что Консорциум в ближайшее время оставит их нефть на произвол судьбы и скажет: «Добывайте свою нефть сами!» Нет, такая перспектива Ирану не угрожает.

Газета «Пейгаме эмуруз» не так давно писала: «Удивительно то, что руководители Консорциума считают, что им принадлежит не только то, что лежит у них в кармане, но и то, что лежит в кармане нашего народа».

Но ничего удивительного здесь нет. Просто у Ирана с Консорциумом установились самые близкие отношения. Стоит ли после этого Консорциуму считаться, где какой карман?..

По-джентльменски

Каждый истинный джентльмен должен быть членом какого-либо клуба и платить членские взносы. Так принято на Западе. А так как руководители Ирана твердо выбрали джентльменский курс в своей внешней политике, то они почли за благо для страны вступить в клуб, то бишь в военный блок СЕНТО. Этот клуб-блок явно фешенебельный: членство в нем обходится Ирану в 60 миллионов долларов в год. А чтобы быть окончательно джентльменами, заключили к тому же двустороннее ирано-американское соглашение. И не каков-нибудь, а военное.

Один очень высокопоставленный государственный деятель Ирана как-то заявил, что средняя продолжительность жизни иранца — 27 лет. И вот вместо больницы строятся по диктату СЕНТО прекрасные оборудованные военные аэродромы с отличными взлетными дорожками для атомных бомбардировщиков. Продлить жизнь иранцам эти бомбардировщики не могут, но в случае чего могут сократить: так что в вопросе средней продолжительности жизни упрекнуть правительство в пассивности никак нельзя...

Строятся дорогостоящие военные базы, военно-морские порты. Военные расходы составляют около 60 процентов бюджета. В казне свистит ветер.

Впрочем, это тоже приносит в страну порядок и спокойствие. Деньги, как известно, — зло. А раз нет их, нечего и беспокоиться. К тому же у джентльменов не принято жаловаться на бедность.

Преимущества коррупции

Когда стало известно, что бывший министр внутренних дел Ирана Алави Моккадам брал взятки от депутатов меджлиса за их избрание, некоторые по недомыслию возмущались. «Это же чудовищная коррупция!» — восклицали они. Однако, немного поразмыслив, пришли к выводу, что господин Моккадам, напротив, заслуживает всяческой похвалы как защитник демократии в Иране.

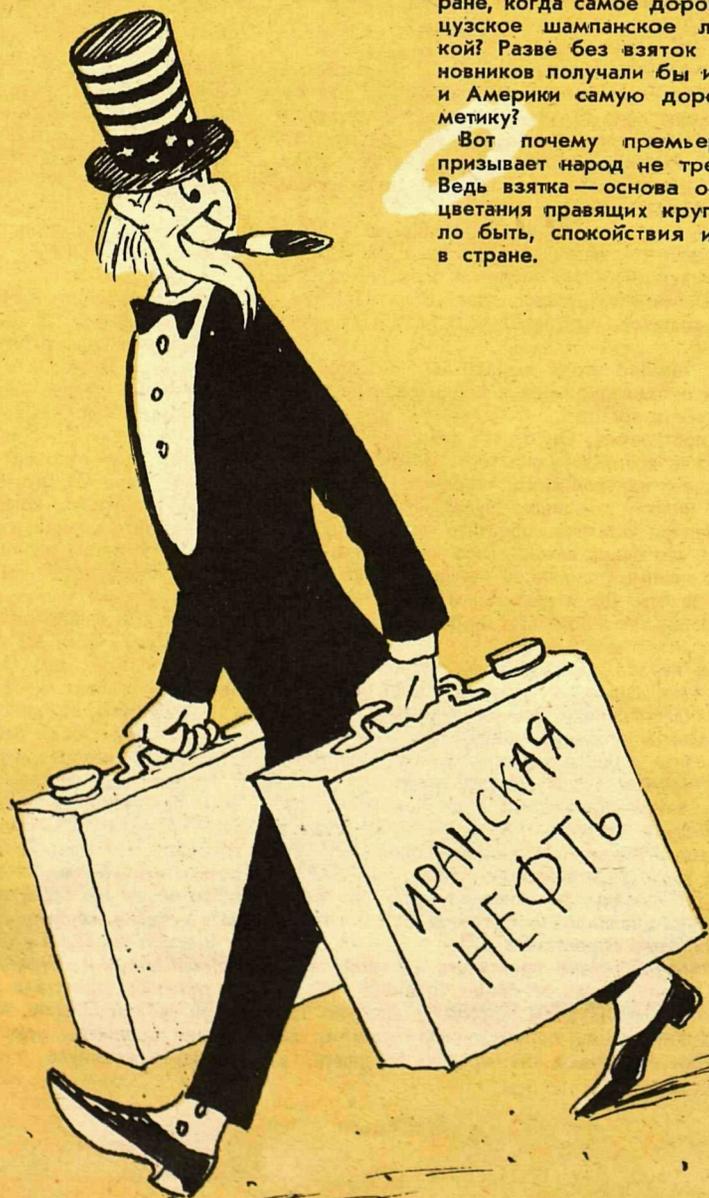
Судите сами. Как могли бы несчастные избиратели определить, кого выбирать, если все кандидаты походили друг на друга, как две капли воды? Им пришлось бы ломать голову над этой неразрешимой задачей. Чем один помещик лучше другого? Какой из двух генералов будет лучше защищать народные интересы?

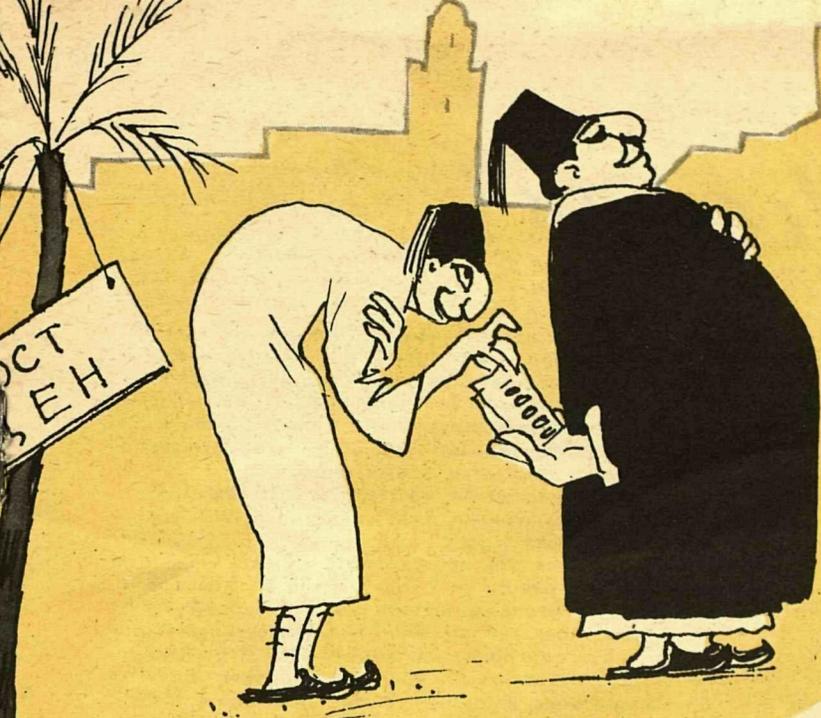
Господин же Моккадам внес ясность в этот запутанный вопрос и избавил избирателей от бесплодных сомнений. Тот, кто лучше заплатит, тот и будет называться народным избранником. Таким образом, случайные ошибки исключались. В меджлис оказывался выбранным самый богатый из кандидатов, а это и есть настоящая демократия.

Коррупция имеет и другое преимущество. Поскольку государственным служащим платят очень мало, взятки способствуют повышению их жизненного уровня, а стало быть, и прогрессу всей страны.

Разве без помощи взяток можно было бы добиться такого процветания ночных кабаре в Тегеране, когда самое дорогое французское шампанское льется рекой? Разве без взяток жены чиновников получали бы из Европы и Америки самую дорогую косметику?

Вот почему премьер Амине призывает народ не тревожиться. Ведь взятка — основа основ процветания правящих кругов, а стало быть, спокойствия и порядка в стране.

При помощи Аллаха

Что такое «повышение»

Рассказывают, что некая иранка отправилась к зубному врачу, чтобы записать на прием своего сына.

— Что у вашего сына с зубами? — спросил врач.

— Ничего, они у него, слава аллаху, в полном порядке, — ответила мать.

— Тогда для чего вы его записываете? — удивился врач.

— Как для чего? Когда подойдет очередь, ему уже нужно будет вставлять зубы.

В этом анекдоте нет почти никакого преувеличения. В Иране на каждого зубного врача приходится 125 тысяч человек, и, чтобы попасть к нему на прием, приходится ждать многие недели, а то и месяцы.

Это к зубному врачу. А сколько же нужно ждать, чтобы попасть к хирургу, если учесть, что каждый хирург обслуживает около полумиллиона человек?

Впрочем, есть в Иране и такие места, где ждать приема у врача не приходится. Взять, например, город Хой. Здесь люди не беспокоятся о том, как попасть к врачу. На весь город, в котором насчитывается свыше 120 тысяч человек, нет ни одного медицинского учреждения, и в городе нет лекарств.

Не мудрено, что иранцам приходится прибегать к медицинской помощи аллаха. Как-никак, до него ближе, чем до ближайшего врача...

В Иране, как и везде, есть скептики. Эти скептики утверждают, что жизнь в стране с каждым годом дорожает и что даже в богатом синонимами персидском языке уже не хватает слов, чтобы описать нищету трудового народа. В подтверждение своих слов они подчеркивают, например, что лишь за прошлый год цены на продовольствие и товары первой необходимости выросли на 12,5 процента.

Казалось бы, народ должен беспокоиться. Но в Иране, слава аллаху, есть газеты, а в газетах — умные редакторы, которые могут объяснить, что к чему. Вот, например, газета «Кейхан» так растолковывает рост цен: «Растущая дороговизна является доказательством повышения покупательной способности населения».

Вот так, просто и ясно. Правда, темные люди лишь качают головами, читая газету «Кейхан». Ведь в той же газете было напечатано, что за истекший год заработная плата в стране не выросла ни на один риал.

Так-то оно так, но все-таки покупательная способность растет, а раз так, то все хорошо. Вот, например, текстильщики Исфагана. Бастуют из-за такого пустяка, что им уже пятый месяц подряд не выдают зарплаты. А цены растут, то есть, с точки зрения газеты «Кейхан», повышается покупательная способность населения. Видите? Стало быть, текстильщикам и без зарплаты некуда девать деньги...

Таким образом, если заставить всех иранцев вместо завтрака, обеда и ужина читать газету «Кейхан», им совершенно не о чем будет беспокоиться. Они будут знать, что твердо идут по пути прогресса и что их покупательная способность растет. Ну, а то, что у людей не на что купить хлеба, так это лишь симптом растущего благосостояния...

Иллюстрации А. КРЫЛОВА

На основе помады

Процветающая экономика — основа прогресса страны. В этом отношении Иран несколько не отстает от остальных государств. И если одно предприятие закрывается, то на смену ему появляется пять новых. Правда, в этом процессе есть одна закономерность: закрываются и разоряются иранские предприятия, а на смену им появляются заморские компании и фирмы.

В этой стране можно сделать неплохой бизнес, утверждают дельцы Соединенных Штатов. С этим мнением солидарны монополи и Англии, и Западной Германии, и Японии. Всего в Иране имеется свыше тысячи иностранных компаний и фирм. Они ежегодно выколачивают из страны около 300 миллионов долларов. В Иран завозится все, в чем остро нуждается население: губная помада, дамские перчатки, дорогие вина и даже зубной порошок. Последнего, по словам корреспондента «Монд», скопилось столько, что им забиты многие склады. Газета «Эрадее Азербайджан» писала в связи с этим: «Иран превратился в международную ярмарку. Любая страна везет к нам все, что ей вздумается».

Правда, сейчас правительство Амини всерьез взялось за наведение порядка в этом вопросе. Приняты серьезные решения. Так, премьер-министр запретил импортировать в целях экономии иностранной валюты «звезд» западноевропейских ночных клубов...

И тем не менее Иран идет дорогой прогресса. Впрочем, говоря о дорогах, предоставим слово иранской газете «Вахеме», которая пишет: «Иностранные советники истратили в Иране около 2 миллиардов 400 миллионов риалов на строительство шоссейной дороги Пехлеви—Керманшах, построенной за много лет всего лишь семь километров, а другая дорога вышла из строя при первом же снеге».

Плывут в Иран новые пароходы с заморской пудрой, летят самолеты с кока-колой, грузчики на станциях выгружают ящики с изысканным бельем. Чего-чего, а застоя в Иране не предвидится. Иностранные монополии не дадут. Так что беспокоиться народу не о чем.

Гуманное просвещение

На первый наивный взгляд может показаться, что в Иране народное просвещение находится в полном загоде. Восемьдесят процентов неграмотных! Эта цифра красноречивее пудовых докладов министерства просвещения.

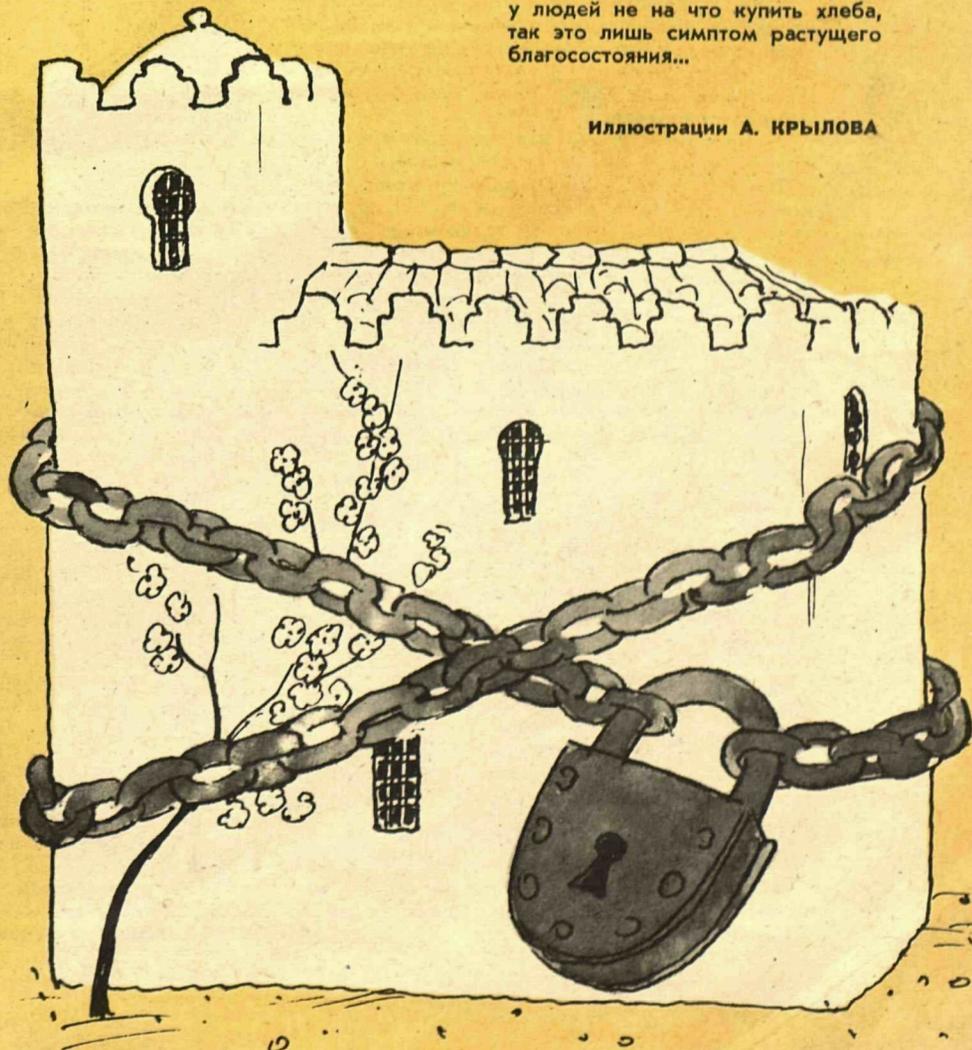
Но это, повторяем, лишь на первый взгляд. На самом деле система просвещения в Иране глубоко гуманна, и народу, безусловно, не о чем беспокоиться.

Для чего иранцу уметь читать и писать? Поскольку объявлений о найме рабочей силы не сыщешь днем с огнем, простому иранцу уметь читать не нужно. Расписываться в получении зарплаты тоже приходится не часто.

Чтобы неграмотные и безработные иранцы не чувствовали себя обиженными, правительство позаботилось о том, чтобы и служащие не слишком отличались от них. Из двухсот тысяч служащих Тегерана более четверти — это люди либо вовсе неграмотные, либо малограмотные.

Ненужную тягу к образованию в Иране правительство отбивает самыми разнообразными способами. Поскольку учителя в силу своей несознательности постоянно жалуются на нищенскую зарплату, власти объяснили широким слоям населения, что одни лишь разговоры о прибавке жалованья учителям уже ведут к росту цен. Стало быть, лучше даже и не говорить об этом. А то, что учителя массами бегут из школ и становятся официантами в ресторанах, так это, безусловно, к лучшему. Часть школ закрывается, и таким образом ликвидируется нехватка в школьных помещениях.

Однако не следует думать, что в Иране вовсе не заботятся о народном просвещении. Недавно начальник управления жандармерии генерал Насири организовал показ тюрем, коих в стране насчитывается более четырех тысяч. Эти многочисленные учреждения весьма способствуют просвещению иранцев. Особенно тех, кто почему-то никак не соглашается с премьером Амини, утверждающим: «Народу не о чем беспокоиться».

Сверши часы!

Голубцов страдал от собственных достоинств.

Он был воспитан в духе идеальной точности и безупречной аккуратности. Уважал время других и ценил свое.

По этой причине он был очень наивен и имел много огорчений.

Посудите сами: приглашают его на собрание. В билете написано: «Начало в 6 час. 30 мин.». В 6 час. 30 мин. он приходит в клуб. В клубе пусто.

Голубцов одиноко блуждает среди холодных колонн фойе, а потом обращается к дежурному:

— Может, отменили собрание-то?

Дежурный смотрит на него взглядом, в котором нетрудно прочитать: «Ты что, братец, рехнулся или от рождения того?..»

Голубцов это смелое предположение, разумеется, отрицает. Тогда дежурный говорит:

— Не знаю, откуда вы приехали. Но у нас всегда так: назначаем на шесть тридцать, чтобы к семи — в начале восьмого собрались.

Нечто подобное происходило с Голубцовым и тогда, когда он был зван в гости.

Приходил, конечно, первым. Хозяйка встречала его в халате и руки не подавала: руки у нее были в тесте, она только что приступила к пирогам.

— А-а! Раздевайтесь, проходите! — восклицала она с фальшивым гостеприимством. — Вы, конечно, вовремя, как приглашали. Но раньше, чем через час, наверное, никого не будет. По опыту знаю. Я и с пирогами еще успею управиться и душ принять. Так что займитесь чем-нибудь.

Занятия для гостя чаще всего находили сами хозяева: ему предлагали таскать мебель, развлекать младенцев или открывать бутылки.

Один раз он даже натирал полы.

Водил щеткой по паркету и бормотал себе под нос:

— И когда я оставлю эту дурацкую привычку приходиться точно!

Дело, безусловно, не в том, что Голубцов не любил физических упражнений. Ему было жаль времени. Что-то он сегодня не успел сделать, что-то отложил на завтра. И ради чего?

Логичнее было бы, конечно, если бы полы натерли опоздавшие.

О них и речь. О тех, кто похищает время у других и не очень дорожит своим.

При этом хотелось бы, чтобы читатели, смеясь над НИМИ, не забывали и о СЕБЕ. Будем самокритичными: минусы, послужившие темой этого фельетона, в равной мере присущи многим из нас. Словом, поговорим о времени (в первом значении этого слова) и о себе.

Предоставим, например, слово чуткому, отзывчивому врачу, который дает больному талончик на 15.00, а принимает в 16 с копейками. Или пунктуальному руководителю совнархоза, заставившему томиться за дверью своего кабинета целую группу директоров предприятий.

Конечно, со всеми сразу не побеседуешь. Но ведь эти люди приехали не просто так. Их вызвали. Их предусмотрительно повестили телеграммой «молнией»: «Ваш вопрос слушается 13.15. Явка без опозданий».

В других случаях, видимо, можно опаздывать. Такая уж дисциплина. Иначе страховочная приписка «без опозданий» не понадобилась бы.

Итак, вопрос слушается в 13.15. Мы готовы со всей непосредственностью порадоваться столь точному расчету. Но ни в 13.15, ни в 14.15 приглашенного «молнией» в кабинет не зовут. Вопрос в лучшем случае «назреет» к вечеру, в худшем — его перенесут на следующее заседание.

— Погуляйте, товарищ. Задержитесь на пару денечков.

А задерживаться директору ой как не хочется! У него завод. У него тысячи людей и множество дел.

«Вынужденная посадка» всегда неприятна. У каждого свои планы, свое расписание. Человек работает в учреждении. Учитя в вечернем университете. Он самозабвенно поет после работы в академическом хоре или с увлечением осваивает фигурное катание. Пишет книги о своем производственном опыте или нянчит внука. Хороший, милый карапуз, а оставить его не на кого. По сей причине установлены дежурства.

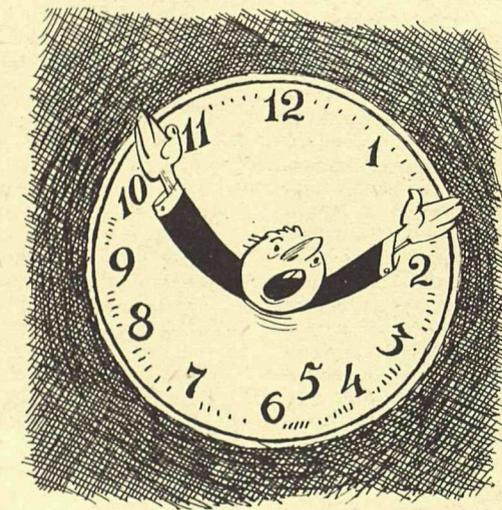
Человек торопится. Но вдруг кто-то лезет к нему в карман. В тот карман, где у него время. Чья-то грубая рука тащит из этого кармана как мелкие монеты — минуты, так и крупные купюры — часы, сутки.

Образ этот, полагаем, вполне уместен. Старая поговорка гласит: «Время — деньги». Если согласиться с ней, надо добавить: а деньги сейчас стали в десять раз дороже. Давайте и времени произведем перерасчет. Глупо и обидно терять его на «вынужденные посадки».

Ученые подсчитали: за 70 лет жизни человек 23 года спит, 6 лет он проводит за едой.

6 лет за едой? Это смотря в какой столовой он обедает. У иного на ожидания гуляша с вермишелью и все 12 уйдут.

Плохо, очень плохо, когда лучшие годы похищаются у человека нерасторопными официант-

ками и нераспорядительными директорами пищеблоков. Не легче и не утешительней, если в той же незавидной роли выступают словоохотливые докладчики.

Задача докладчика — рассказать, допустим, о том, как выполняется план по выпуску деревянных бочек. Сколько на это надо времени?

— Мне минут 60, — говорит докладчик, и на лице его блуждает застенчивая улыбка тягелатлета, который вышел на помост, чтобы установить мировой рекорд по поднятию тяжестей.

«Мне минут 60...» Мне, то есть ему. А другим это нужно? Он начнет, конечно, с того, что человек произошел от обезьяны. До бочек доберется только к концу второго тайма, если применять спортивную терминологию. Потом попросит дополнительное время.

Бондари, собравшиеся в зале, конечно, зашумят. Председательствующий, конечно, их будет успокаивать:

— Тише, товарищи. Мы работаем только час.

Смешно: «работаем». Никто тут не работает. Здесь переливают из пустого в порожнее, делового разговора нет; быка за рога не берут, а если бы брали, то на доклад — 10—15 минут, на выступление — 5. Пожалуйста, выдавайте конкретную критику, конструктивные предложения. Краткость — сестра таланта не только в литературе.

Племя похитителей времени многолико. Сферы их действия разнообразны. Беды, причиняемые этими действиями, велики. На ином

заводе за год тысячи часов простоев. Отчего? Оттого, что кто-то очень рассеянный забыл, когда надо подать заявку. Кто-то очень разболтанный не выписал накладную. Кто-то очень безответственный запоздал «подать на визу». Короче говоря, не утрясли, не утрамбовали. Решили: «Успеется, время терпит».

А оно, коварное, не стерпело. Станки стоят, рабочее в курилке, план издает недвусмысленный треск.

Если все это происходит в начале месяца, особой тревоги руководители не испытывают, хотя на столе директора уже не первый час горит красная лампочка. Ничего, есть третья декада, есть последняя неделя, есть 31-е число! Тогда будет брошен воинственный клич: «Братцы, ляжем костями!» Тогда послышатся тревожные удары в рельс, повешенный около заводоуправления. И хор диспетчеров энергично затянет «Дубинушку». Объявляется двенадцатибалльный штурм.

Рельс выручит. «Дубинушка» поможет. 31-го числа рапортуют: «Выполнили. Досрочно. На два часа раньше». Гоните, мол, премию.

А «гнать» надо не премию. Похитителей времени гнать. Тех, кто живет по давно забытой рекрутской формуле: «Солдат спит, а служба идет».

Явления, о которых идет речь в этом фельетоне, родственны друг другу. Дистанция, разделяющая их, призрачна. У всех этих явлений одна-единственная мать родная — недисциплинированность.

Мы ее изгоняем. И изгоним. Мы прививаем человеку высокие нравственные черты. И среди них точность, бережливость. Точность, бережливость во всем, во времени тоже.

Мы, русские люди, удивили мир своей высокой точностью. Наши радиостанции передали в эфир первое небесное расписание: «Москва — 13 часов 00 минут, Каир — 14 часов 54 минуты, Сингапур — 23 часа 05 минут...» В неизведанной космической дали летел над Землей советский спутник. Люди сверяли часы: «Точно! Сингапур — 23.05!»

В красноезвездных спутниках — дух века. Наши соотечественники, создавшие и пустившие в плавание по межпланетному океану чудесные, фантастические корабли, — это те люди, о которых говорят: правофланговые. По ним и равняться должен каждый. И хозяйственный руководитель, и врач, и директор столовой, и любой работник, маленький или большой. На службе и дома.

Спутник летает по приборам, человек живет по часам. Афоризм «Счастливые часов не наблюдают» применим только к влюбленным. И только тогда, когда они на свидании. В остальных случаях влюбленные, как говорит-ся, проходят на общих основаниях.

Наши советские часы хорошие. Наши часы точные. В 1960 году промышленность СССР выпустила их великое множество — 26 миллионов штук. 26 миллионов наручных, карманных, настольных и настенных контролеров времени!

Прислушайтесь к их ходу. Честные, безотказные работяги готовы помочь каждому.

Нет, не затем их создавали, чтобы люди путали время: в пригласительных билетах писали одно, а на уме держали другое; звали к 7, а ждали к 9; объявляли «пятиминутку», а держали на ней два часа; обещали «сию минуту», а куда честнее было бы сказать: «сей квартал».

Посоветуем Голубцову: не надо отказываться от «дурацкой привычки» приходиться вовремя — другие пусть подтягиваются. А самое хорошее, если они с детства будут воспитаны в духе точности, аккуратности, следуя простому и ясному правилу: береги время. Не транжири свое и не занимай у других. А если кто-то на твоё посягает, останови его. На любитель-лей тянуть волюнку в любом деле очень хорошо действует одно заклинание. Произносит-ся оно так: «Товарищ, регламент!»

Не тот жалуется на трудности,
кто больше работает, а тот, кто
чаще кричит.

Кто не считает — много не сбе-
режет.

Не всякая подпись — автограф.

Добрая улыбка вреда не чинит.
Улыбайся!

Душевную пустоту пробкой не
заткнешь.

Не сердись на тех, кто не пони-
мает тебя, если сам еще не осоз-
нал, чего хочешь.

Эгоист подобен человеку, стоя-
щему перед зеркалом, — он видит
только себя.

В БУДНИ И В ПРАЗДНИКИ

Он чит все праздники

с азартом,
Любовью к датам одержим,
И даже день Восьмого марта
Считает праздником своим.
Пирует он всегда с охотой,
Лишь к угощению подан знак.
Как волк морской, он пьет
в День флота,
А в День шахтера — как горяк...
Но хоть все нормы и превысил
Он в смысле красных дат...

зато
Из трудовых, обычных чисел
Не претендует ни на что!

И. ТАРАБУКИН

г. Свердловск.

В один прекрасный день заведующий Амурским облоно М. Ф. Сапожников узнал, что областной станции юннатов как таковой не существует. Вместо станции юных натуралистов есть огород, поставляющий на городской рынок капусту, помидоры и прочую петрушку.

То ли М. Ф. Сапожников этому сообщению не поверил, то ли была какая другая причина, но на сигнал он не обратил ни малейшего внимания.

Прождавши порядочное время, автор письма — руководительница одного из юннатских кружков О. Е. Лукаш напомнила: дескать, как же быть со станцией? Будет ли она прививать школьникам любовь к сельскому хозяйству или так и останется подсобным хозяйством, где дети с помощью лопат и тяпок выращивают овощи на потребу рынку?

Тогда облоно создало комиссию. Комиссия установила, что станция юннатов никакая не станция, а самый обыкновенный огород. В результате этой проверки появились два приказа. Первый принадлежал перу М. Ф. Сапожникова. Заведующий облоно обязывал директора станции поднять работу на должную высоту.

Второй приказ принадлежал перу директора станции. Этим приказом П. М. Больбот уволил с работы автора письма О. Е. Лукаш.

Народный суд восстановил Лукаш на работе и вынес частное определение, которым поставил тов. Сапожникова в известность о неблагополучии на станции юннатов. Однако П. М. Больбот бушевал не на шутку. Через некоторое время он снова уволил Лукаш. Суд снова ее восстановил. Тогда директор станции подал жалобу в областной суд. Но и здесь встали на защиту тов. Лукаш. Прекратил эту вакханалию тов. Сапожников. Бросившись на помощь Больботу, он издал приказ о сокращении на юннатской станции одной единицы. Этой единицей оказалась, разумеется, Лукаш.

Но тут выяснилось, что теми самыми овощами, которые школьники выращивали с помощью орудий наших предков, П. М. Больбот торговал оптом и в розницу, а деньги регулярнейшим образом прикарманивал.

Когда стало совершенно очевидно, что за овощ созрел на юннатском огороде, заведующий облоно вынужден был снять его с работы. Казалось бы, правда восторжествовала. Казалось бы, тов. Сапожников пригласит О. Е. Лукаш, извинится за причиненные неприятности и восстановит ее на работе.

— Лукаш на работу? — удивился он. — Что вы! Никак нельзя. Она не подходит для работы в народном образовании.

А Больбот? О, этот вполне подходит! По мнению тов. Сапожникова, без него стройная система народного образования Амурской области рухнет, как карточный домик. Поэтому с благословения заведующего облоно Больбот теперь преподает ботанику и руководит работой на опытном участке в одной из школ Благовещенска.

Страсти, бушевавшие на капустных грядках, малопомалу улеглись, но у работников облоно, станции юных натуралистов и у некоторых учителей города осталось твердое убеждение: пример Лукаш — друг науки.

Д. ЕПИФАНОВ

г. Благовещенск.

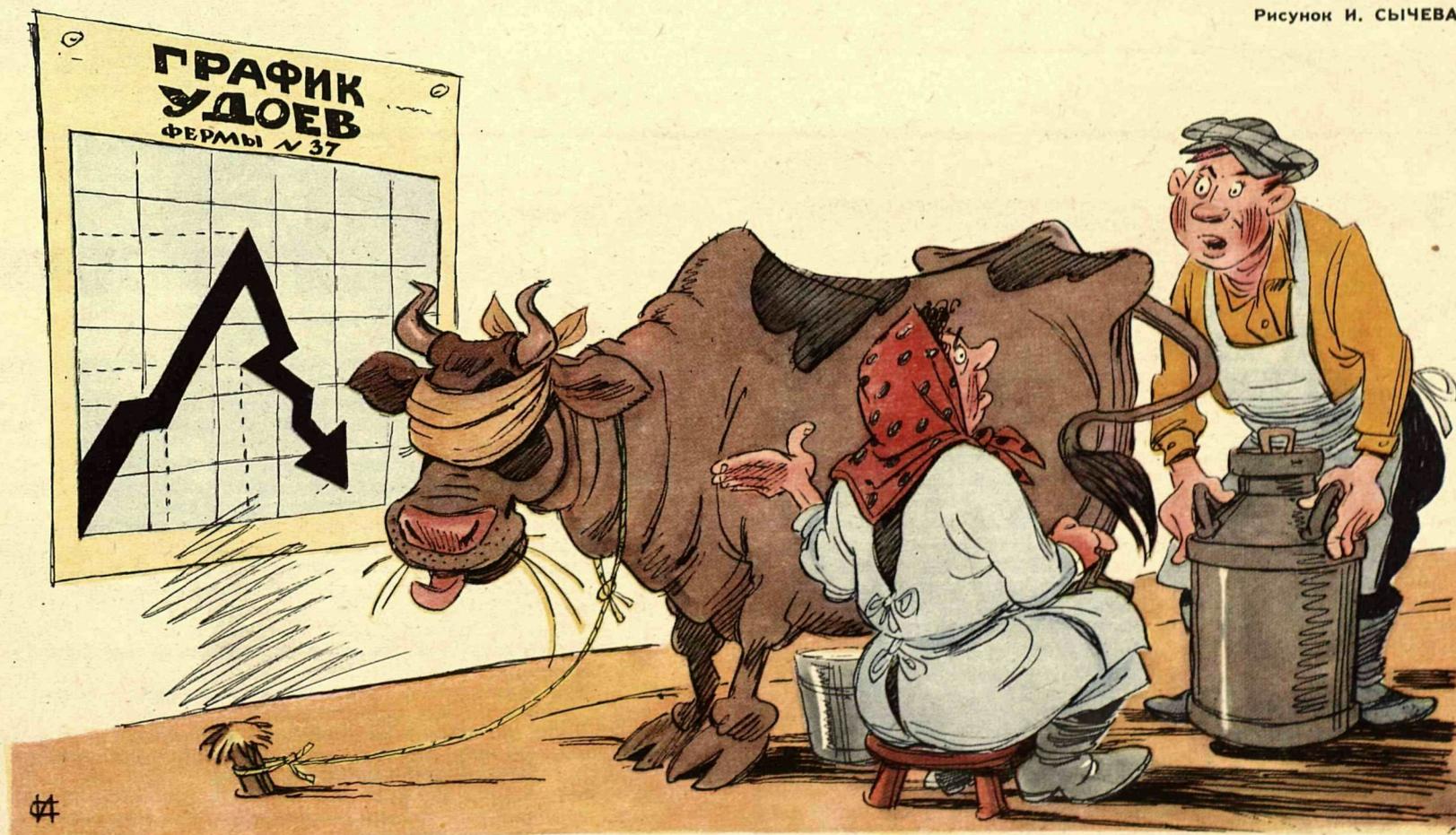
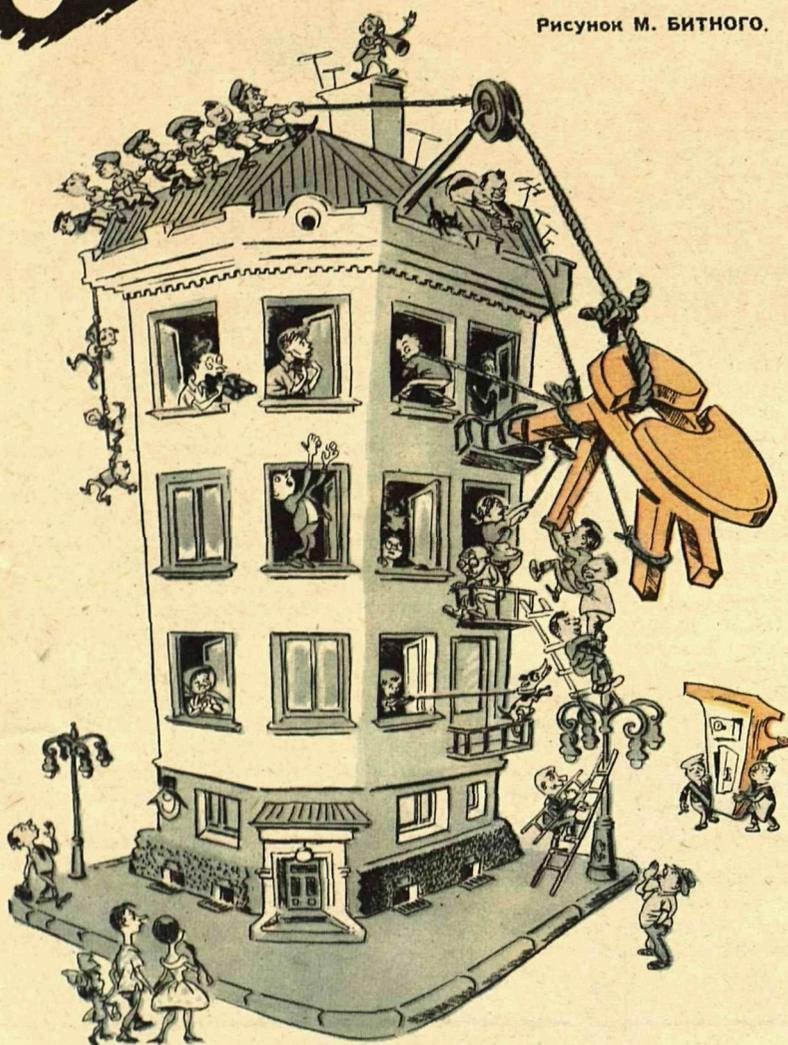

Рисунок И. СЫЧЕВА

— Зачем это ты глаза ей завязала!
— Боюсь... Насмотрится — молоко скиснет!

СМЕСЬ

Рисунок М. БИТНОГО.

Сквозь чугунные перила ножку дивную продень.

Рисунок Р. ШУТЕНКО (г. Ростов).

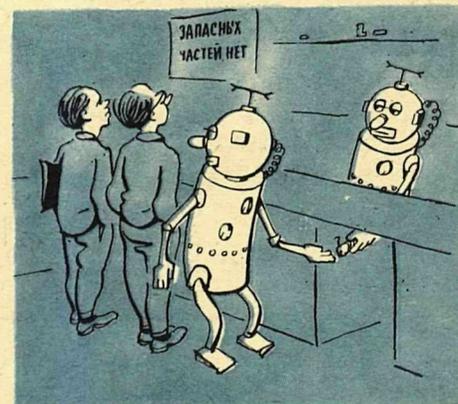
— Чего это Эдик нос задирает!
— А он когда-то в кино снимался. В роли грудного младенца.

Рисунок В. КРАСНОВА и В. ПУНЕГОВА.

КТО ЧЕЙ?

В слезах вся и царапинах:
— Домой хочу-у! Домой!
— А чья ж ты дочка?
— Мамина.
— А мама?
— Мама — папина...
— А папа?
— Папа мой!

В. НЫРКО
Магаданская обл.

Свой свояка...

Э то произошло в один из тех пасмурно-тоскливых дней, когда, по свидетельству старейшей нашей поэтессы,
Заплаканная осень, как вдова
В одеждах черных, все сердца туманит...

Впрочем, туманились далеко не все сердца. Например, сердцу Нади Краюшкиной, живописца фарфорового завода, было не до меланхолии. Как раз в это утро ей поручили расписывать партию чайного сервиза нового образца. Польщенная столь высоким доверием, девушка вся углубилась в работу. Проворные пальчики ее с сиреневым маникюром наносили тонкий узор на белую глазурованную поверхность будущей чашки. Одна за другой проходили они через ее руки и отправлялись на обжиг, радуя мир волнистым золотым бордюром, ярко-пунцовыми цветами, коих не разыщешь ни в одном гербарии мира, и листьями столь ядовитого оттенка, словно писались они не краской, а купленной в аптеке бриллиантовой зеленью.

Вдруг небесно-голубые глаза девушки негодующе сверкнули. На внутренней стороне очередной посуды Нада обнаружила темноватый подтек. Брак! Девушка сердито отставила чашку в сторонку и взяла другую... «А эту, — думает Нада, — я оставлю себе и подарю Инне. Она давно жалуется, что ей не из чего пить чай в обеденный перерыв».

Инна Капралова, кузина Нади и продавщица крупного посудохозяйственного магазина, искренне обрадовалась подарку двоюродной сестры. Ей очень нравился новый фасон чашек: скромный, изящный. Приглянулся Надин подарок и другим продавщицам.

— Приличный фасончик, — профессионально-критическим тоном говорили они, разглядывая чашку со всех сторон. — Где ты такую взяла?

— Нада подарила, — отвечала Инна. — Из отходов производства. Теперь я уж не буду у вас одалживать чашки, своя завелась.

Обеденный перерыв закончился. Инна насухо вытерла чашку и хотела убрать ее. Но тут кто-то крикнул: «Капралова, к теле-

Н. БАЖЕНОВ

В МИРЕ

фону!» Сунув по пути чашку в дальний угол нижней полки, девушка торопливо побежала в конторку.

Магазин постепенно заполнился покупателями. Почти все они обратили внимание на сервизы нового фасона. Однако выписывать чеки пока не торопились.

Но вот к прилавку протискался высокий мужчина в синем дождевике с капюшоном. Неспешно оглядев полки, он вдруг оживился:

— Ну-ка покажите мне во-он ту, беленькую. — Он указал на чашку Инны, еле видимую за грудой посуды. — Чего вы ее так далеко запрятали? Кажется, это то, что мне надо.

Напарница Инны, молоденькая курносая девушка, растерянно заморгала:

— Извините, но эта чашка не продается.

— Гм! Почему? Мне кажется, все, что стоит на полках, должно продаваться.

— Она бракованная, — разъяснила продавщица, — я вам покажу новые сервизы, точно такого же фасона.

— Зачем мне эти размалеванные страшилища?! — возразил покупатель. — Я ищу сервиз спокойных тонов, чтобы глаз отдыхал. Я прошу показать мне именно ту чашку.

Растерявшаяся девушка выполнила его просьбу. К прилавку, энергично работая локтями, прорвалась какая-то пожилая дама с большим зонтом. Дама бесцеремонно вырвала чашку из рук продавщицы.

— Брак, говорите? Ладно, беру брак. Выписывайте, милочка, чек.

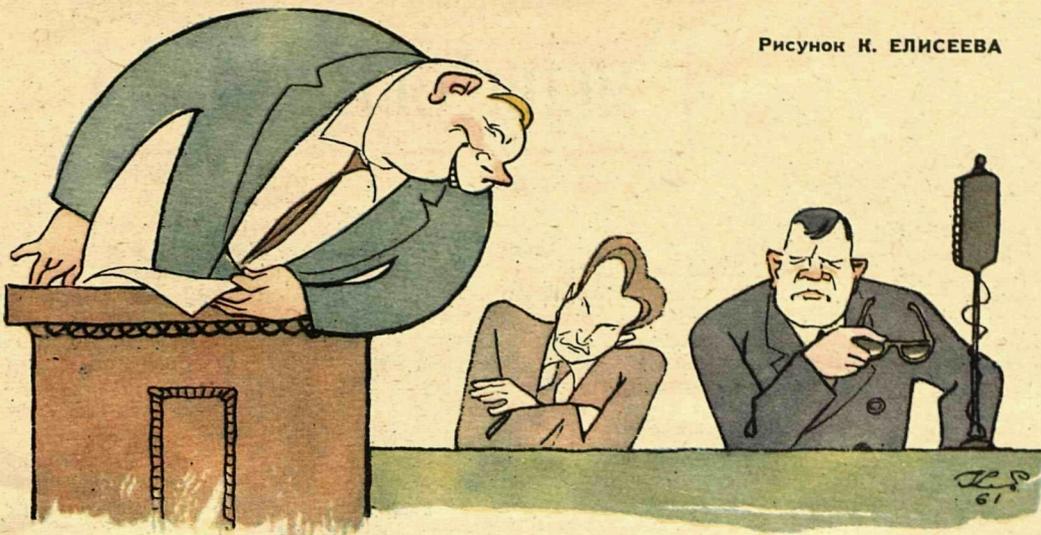

Рисунок К. ЕЛИСЕЕВА

— Я закругляюсь, товарищи... Теперь несколько слов в адрес руководства.

НЕ С ТОЙ ПРИСТАВКОЙ

Он жаждал славы и почета,
Ему хотелось прогреметь,
И на листах его отчета
Фальшивых цифр —
Почти что треть,
А где ж теперь любитель шума?
Чего же он достичь сумел?
Он, как и следовало думать,
Не прогремел,
А загремел!

А. МАЛИН

г. Симферополь.

Рисунок Г. АНДРИАНОВА

— Васька! Иди скорей: я пятьдесят рублей нашел!

МАШКА И БУМАЖКА

Удой давала Машка бестолковый,
Но все ж ее винить в грехах
нельзя:
Ведь в сводках Машка числилась
коровой,
Фактически ж она была
ноза!

В. ПОДМАЙСТРОВИЧ

г. Черновцы.

Рисунок М. ВАЙСБОРДА

Письмо издалека.

Рисунок Ю. ФЕДОРОВА

Неприятные ассоциации.

РАССКАЗ

ПРЕКРАСНОГО

Мужчина в синем дождевике тоже потянулся за чашкой, и они громко заспорили. Вмешались другие покупатели. Шум из магазина выплеснулся на улицу. Прохожие останавливались и с любопытством спрашивали, что случилось.

— Какие-то сервизы завезли необычайной красоты, — разъярялись выходящие из магазина покупатели.

Прохожие торопливо бросались в магазин.

— В чем дело, граждане? — тревожно спрашивала подоспевшая тем временем Инна. — Что вам угодно?

— Мне угодно вот такие чашки. — Мужчина в синем дождевике указал на полку.

— И мне тоже! — перебила его дама, размахивая вонтом.

— И мне! И мне! — подхватили другие покупатели, окружившие прилавок.

— Но у нас нет в продаже таких сервизов, — попыталась разъяснить Инна, — а эта чашка моя собственная, из отходов производства.

На шум не замедлил явиться заведующий.

— Я вас слушаю, граждане, — спокойно сказал он. — Какие имеете претензии?

Узнав, в чем дело, заведующий нахмурился.

— Товарищ Капралова, объявляю вам выговор за хранение личных предметов на полке с товаром и ввод тем самым покупателей в заблуждение. Граждане! Ответственно заверяю вас, что данная чашка существует всего в одном экземпляре и куплена не в нашем магазине. Таких мы с завода не получали. Если хотите, магазин может ходатайствовать перед заводом об изгото-

товлении партии сервизов такой расцветки... вернее, без всякой расцветки. Прошу составить список желающих.

Получив письмо из магазина, директор местного фарфорового завода дважды перечитал его и с горечью сказал сидевшему у него главному бухгалтеру:

— Правильно люди жалуются. Оформление нового чайного сервиза из рук вон плохое. Один этот idiotский золотой бордюр может хоть кого взбесить. К черту его!

Главбух испуганно воззрился на начальство.

— Вы... вы шутите? — пролепетал он. — Никак нельзя без бордюра. Он же составляет тридцать процентов стоимости сервиза. Мы же план провалим!

— И даже не в этом дело! — вмешался в разговор вошедший глава художественного совета. — Люди с ума сходят! Просят отгрузить им триста комплектов сервиза без росписи. То есть полуфабрикат. Ужас! Но мы не пойдем на поводу отсталых настроений. Не оформление сервизов плохое, а плохо мы воспитываем чувство красоты у потребителей нашей продукции. И народ нам этого не простит!

Испуганный упоминанием о народе, директор тут же распорядился срочно созвать художественный совет и обсудить письмо. После непродолжительных, но горячих дебатов было вынесено такое решение:

«1. В просьбе магазина категорически отказать, как не соответствующей принципам культуры торговли и идущей на поводу у обывательских вкусов.

2. Признать необходимым резко усилить разъяснительную работу среди потребителей фарфоровых изделий. С этой целью силами членов худсовета подготовить и опубликовать в городской газете цикл статей под общей рубрикой «В мире прекрасного». Подчеркнуть в вышеуказанных статьях особую важность художественной росписи столовой и чайной посуды в деле воспитания эстетических вкусов трудящихся».

Директор утвердил решение без единой поправки.

На протяжении долгих лет,
подобно злему богу,
вселяя космический сосед
в сердца людей
тревогу.
Мерцал
единственным зрачком
он из небесной чаши,
своим кровавым огоньком
пугая
предков наших.
Напялил
грозный бог войны
доспехи
и оружие.
Недаром две его луны
звуются
Страх
и Ужас.
Его бранили горячо.
Но справедливо ль это!
Ведь лично Марс
тут ни при чем:
не бог он,
а планета.
Да и о лунах тех вопрос
не выяснен покуда.
Быть может, Фобос
полон роз,
а Деймос — незабудок!
...И вот я вижу:
новый день
летит ракетопланом,
уйдя в космическую тень,
мы мчимся к марсианам.

А там уж
море суеты.
Все жители в восторге,
и раскупаются цветы
корзинами
в «Марсторге»!
Как лучше в мире неземном
гостей желанных встретить,
решают срочно
на ночном
собрании в Марссовете.
В дороге ширится, гудит
поток автомобильный,
и спецмашины впереди
с эмблемой «Марсфильма».
Аппаратуру подвезли
и средства освещения,
чтоб снять
посланных Земли
на месте примарсенья..

А может быть,
пустынен Марс,
одни равнины... горы...
А может, ожидают нас
безмолвные просторы!..
И все равно
экспресс ракет
пройдет по звездной трассе.
А если же
там жизни нет,
мы
жизнь
начнем
на Марсе!

Л. КУКСО

Рисунок Л. САМОЙЛОВА.

Кругом шестнадцать!

МЕНЯ ОБИЖАЮТ

Нет, я не шучу. Меня действительно обижают.

Еще Лермонтов метко выразился: «Не вынесла душа поэта позора мелочных обид». Я, товарищ фельетонист, не поэт. Но и моя душа не терпит обид. Вот я и прошу вас написать о моих злоключениях.

Я не похож на человека, над которым можно издеваться. Но тем не менее...

Короче говоря, за последнюю неделю меня четыре раза обидели. Ни за что, ни про что. Вот послушайте.

В сберегательной кассе на станции Чоп мне выдали аккредитив. Внес я семьдесят пять рублей. Так в аккредитиве и написано: «75 (семьдесят пять)». Приезжаю в Москву. Хочу получить деньги. Оказывается, в аккредитиве путаница. «Обождите, гражданин, позвоним, выясним».

Дело было так. Работник сберкасс в Чопе, задумчивый молодой человек, с большой нежностью смотрел в окно, мимо которого проплыла его знакомая Джульетта. Сберегательный Ромео вне себя от изумления и восторга отрезал в моем аккредитиве лишний купон.

И вот я, жертва чужой страсти в Закарпатье, стою в Замокворечье в сберкассе, стою, обиженный, и жду, как решится судьба моего ни в чем не повинного аккредитива...

А до этого я побывал в Ялте. Ничего нового о Черном море не могу вам сообщить. Все сказано в популярной песне «Самое синее в мире, Черное море мое». Могу лишь одно подчеркнуть: было жарко.

Но никто так не потел, как я. Потел я исключительно на Ялтинском почтамте. Нет, там не душно и вентиляция в порядке.

Но не в порядке почтово-телеграфная связь. Мне сообщили, что из Москвы, из бухгалтерии, по телеграфу посланы мне деньги. И вот я начал несколько раз в день бегать на почту. Бегаю налегке — в кармане ни копейки. И на почте для меня ни копейки. Вот уж почтой получено подтверждение: перевод выслан. Где же телеграфный перевод?

Телеграф есть. Перевода нет. Потом выяснилось: кто-то забыл послать телеграфный перевод. Видимо, тоже зазевался, глядя в окно на весенний пейзаж.

Эти люди ничего против меня лично не имеют. Они не против меня, но и не за. Им, извините за выражение, наплевать на меня. Ну, постоит человек в очереди. Ну, побегает лишний раз. Экая важность!

Они относятся к людям без уважения. Потому что без уважения относятся к себе, к своим обязанностям, к своей работе

— Не тот талончик в аккредитиве отрезали? Подумаешь! Задержали на несколько дней телеграфный перевод? Подумаешь! Гражданин, не повышайте

голоса! Говорите короче! Что вам надо? Следующий!

Но следующий — это опять-таки я. Слушайте дальше.

Приезжаю я в Одессу. Ничего не скажешь, приятный город. И люди приятные.

Но бывают исключения. К сожалению.

Утром в день приезда в Одессу я провел два важных мероприятия: 1) купил железнодорожный билет в Москву и 2) купил талон для разговора по телефону с Москвой.

Вот и тут начали меня обижать. «Я вам не скажу за всю Одессу», но некоторые одесские товарищи работают без уважения к самим себе и к прочим гражданам.

Талон на телефонный разговор я приобрел в гостинице «Одесса», в 34-м отделении связи. Но девушка продала мне талон и сразу забыла о талоне, обо мне, о своем служебном долге. Она быстро ушла домой, забыв переслать на телефонную станцию копию талона. И так, разговора с Москвой не будет. Успокойтесь, гражданин! Не повышайте голоса! Говорите короче!

Короче говоря, прихожу вечером на вокзал. Захожу в вагон. Мое место занято. Билетная касса чрезвычайно щедрa и на одно место выдала несколько билетов. Как же быть? Успокойтесь, гражданин! Не повышайте голоса! Говорите короче!

Говорю очень коротко: — Как вам не стыдно!

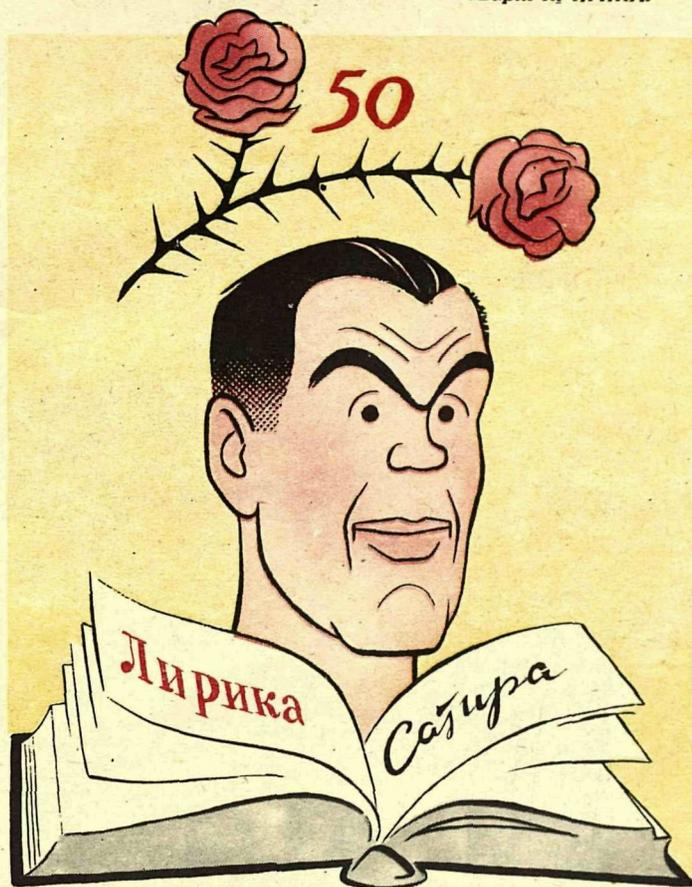
Им не стыдно. Они привыкли к этой фразе.

Вот и все. Пока все. Но и вы, товарищ фельетонист, можете меня крепко обидеть, если не напишете о моих обидах. Тем более, что эти обиды не только мои.

Г. РЫКЛИН

(К 50-летию со дня рождения)

Шарж И. ИГИНА.

НАРОЧНО НЕ ПРИДУМАЕШЬ

«В районе нет ни одной футбольной команды. Да откуда ей и быть? Получили мы в прошлом месяце 12 пар бутс. Так уважаемый председатель райпотребсоюза по-своему реализовал их. На вопрос товароведа, как быть с ними, он дал команду отдать в каждый колхоз по паре. Пускай, мол, везде играют...»

(Из выступления делегата на районной конференции.)
Прислал Н. ОВЧАРЕНКО.

г. Полтава.

«Молодые доярки, прислушиваясь к голосу гармошки, снижают продуктивность коров в период вечерней дойки, так как торолятся уйти на вечеринку.»

(Из статьи зоотехника.)
Списал Б. БЕЛТЮКОВ.

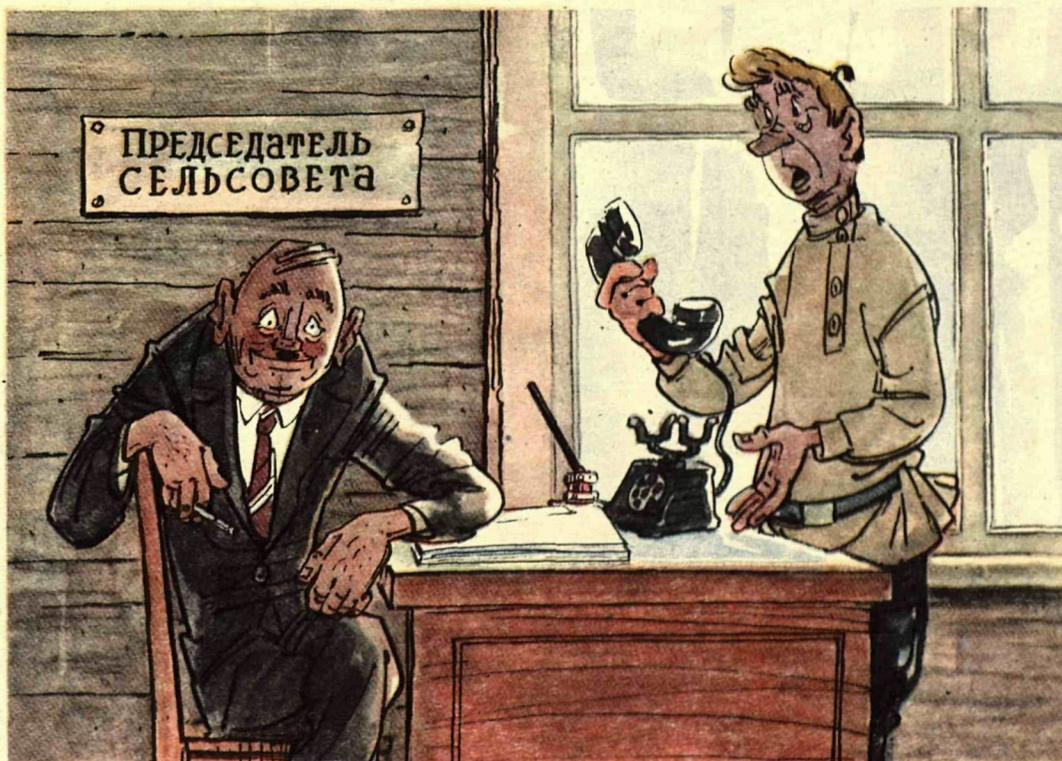
г. Смоленск.

«Меня зря обвиняют в том, что гоню самогонку. Да разве ее кто-нибудь гонит? Она же сама бежит из аппарата.»

(Из показаний подсудимого.)

«Гаев все пропивал, из обстановки у него было только две курицы, петух и подсвинок.»

(Из показаний свидетеля.)
Подобрал М. ЛЮБАВИН.

— Товарищ председатель! Это из райцентра... Говорят, у нас на селе самогон гонят.

— А мы-то за ним в соседний район ездили!

ПРОИСШЕСТВИЯ

ПО СОБСТВЕННОМУ ЖЕЛАНИЮ...

Николай Львович Савельев считал, что судьба к нему несправедлива. Вот почему он был так признателен директору Ахан-Гаранского Дома культуры Анне Ивановне Яблонской за чуткое отношение, а главное, за смелость. Не каждый, в самом деле, рискнет доверить человеку, только что отбывшему свое восьмое наказание, бразды художественного руководства! А вот Анна Ивановна рискнула.

Занялся Николай Львович не столько художественной самодеятельностью, сколько большими и малыми выпивками с друзьями. Как-то после третьей стопки Савельев признался собутыльникам:

— В результате пьянки я начинаю терять присущую мне честность и порядочность. В такие мгновения я способен совершить любое покушение на чужую собственность, будь то государственная или личная.

Кому же, как не самому Савельеву, себя знать! В девятый раз он потерял «честность и порядочность», когда зацвел миндаль и запели пташки. Прихватив с собою баян и занавеси, Савельев исчез в сиянье голубого дня.

Когда все прихваченное было отдано в жертву ненасытному Вахусу, Савельев горько пожалел о содеянном и, поразмыслив, отправил в Алма-тынский отдел культуры покаянное письмо.

Ответ не заставил себя долго ждать. Согласие принять обратно блудного сына было подкреплено переводом 30 рублей на обратный путь.

Возвращение было трогательным. На радостях Анна Ивановна Яблонская поручила Савельеву наблюдение за работой бильярдной. Это было как нельзя кстати и помогло Николаю Львовичу основательно пополнить отоцвавший бюджет.

Но радость встречи скоро омрачилась. Сорвавшись и на этот раз, Савельев скрылся, опять-таки кое-что прихватив.

В конце концов Савельев сам не выдержал дальнейшего испытания судьбы и написал прокурору города Алма-тылка:

«Прошу Вас дать санкцию на мой арест и ведение следствия для предания меня суду. По ходу следствия еще прибавится немало преступлений, требующих наказаний. Для написания этого заявления меня привело сознание, что мне пока еще рано жить в нашем обществе. Я только приношу вред и мешаю окружающим плодотворно работать. Из всего вполне ясно, что я являюсь социально опасным человеком.»

Прокурор уважил просьбу Савельева...

Одиночество

Культработник Гоша круглощечий
В клубе изнывает одинокий.
У окна сидит,
Глядит
На небосвод
И следит,
Как облачно плывет...
Эх, кабы оно погуще стало!
Эх, кабы гроза захрохотала!

Как из бочки, хлынула вода бы,
Ветер бы набросился, гудя!..
Может быть, хоть кто-нибудь
тогда бы
Забегал укрыться от дождя?

Владимир ИВАНОВ

Ленинград.

Рисунок Д. БЕЛОВА.

Главный редактор — М. Г. СЕМЕНОВ. Редакционная коллегия: А. Н. ВАСИЛЬЕВ, Б. А. ЕГОРОВ (зам. главного редактора), Д. И. ЗАСЛАВСКИЙ, КУКРЫНИКСЫ (М. В. КУПРИЯНОВ, П. Н. КРЫЛОВ, Н. А. СОКОЛОВ), С. Д. НАРИНЬЯНИ, А. Н. РЕМЕЗОВ (ответственный секретарь), И. М. СЕМЕНОВ, С. В. СМИРНОВ.

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА».

Адрес редакции: Москва, А-47, 1-я улица Ямского поля. 28. Тел. Д 3-31-37.

Издательство «Правда».

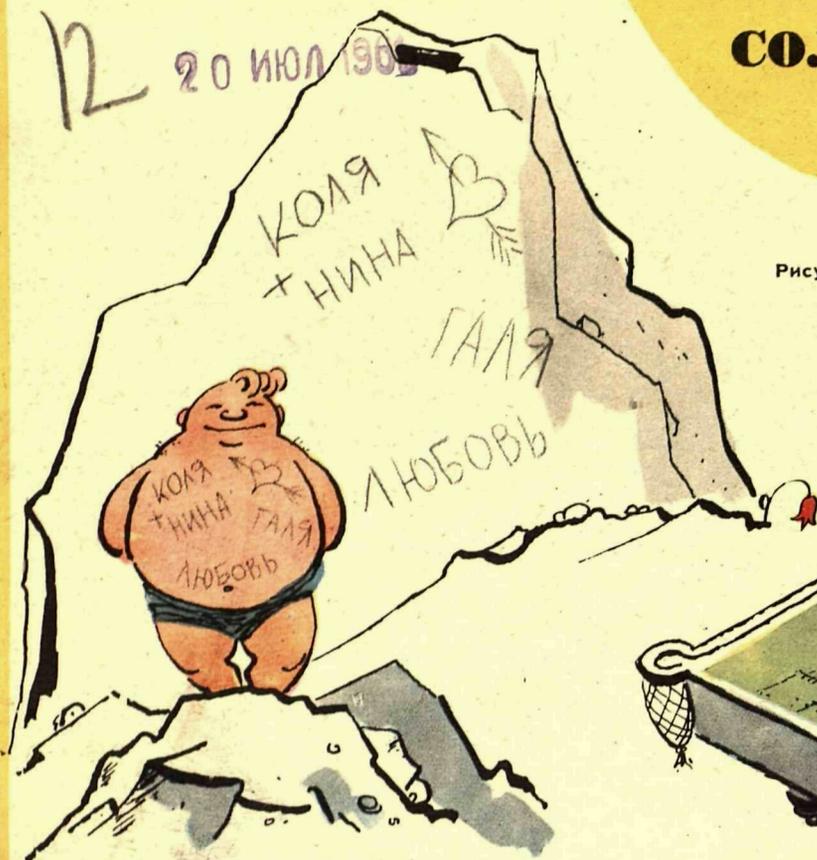
А 00285. Изд. № 1020. Подписано к печати 10/VI 1961 г.

Формат бум. 70x108¹/₂. Заказ № 1798. Тираж 1 500 000 экз. 1 бум. л.— 2,74 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

СОЛНЕЧНЫЙ УДАР

Рисунок Ю. ФЕДОРОВА.

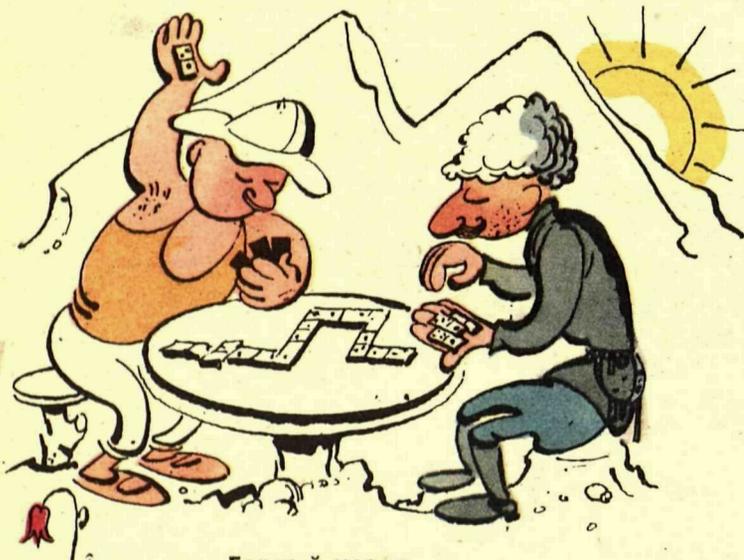

На груди утеса-великана.

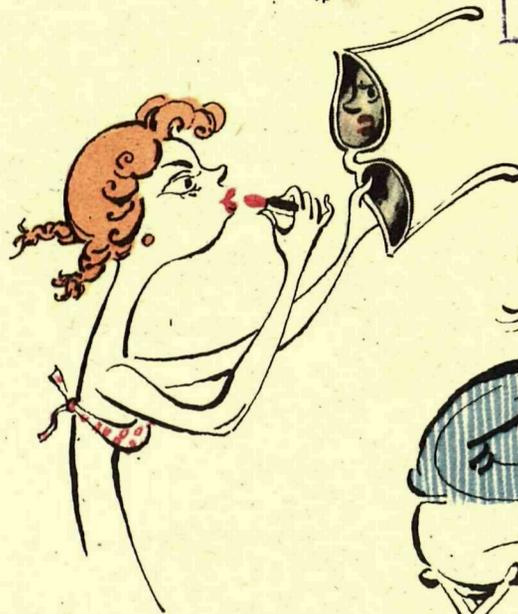

Прикован.

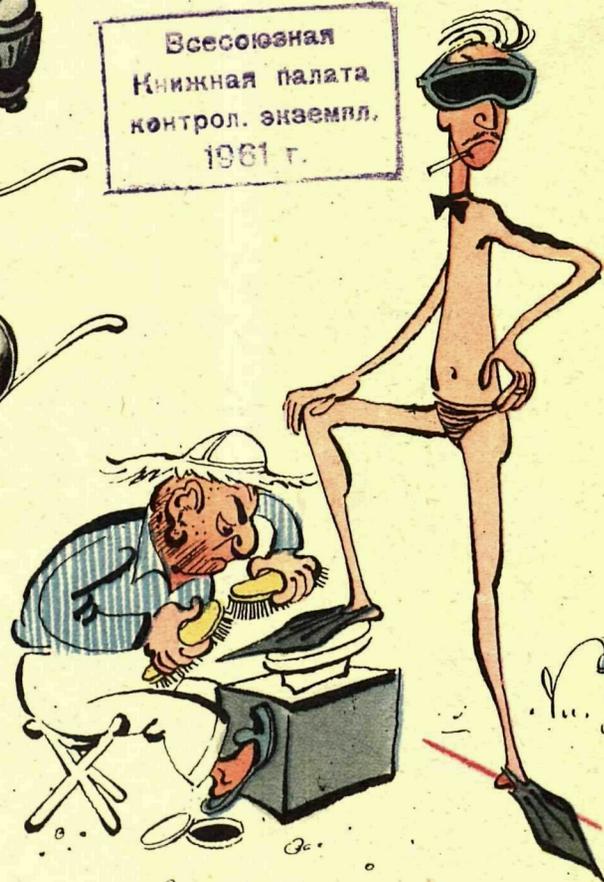
Всесоюзная
Книжная палата
контроль экземпляров,
1961 г.

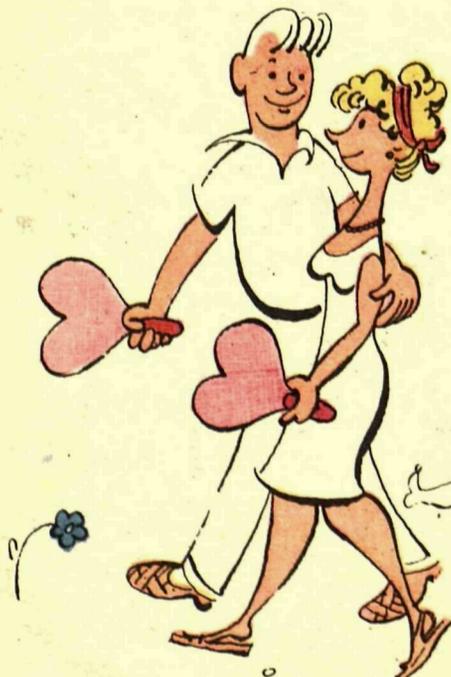
Горный козел.

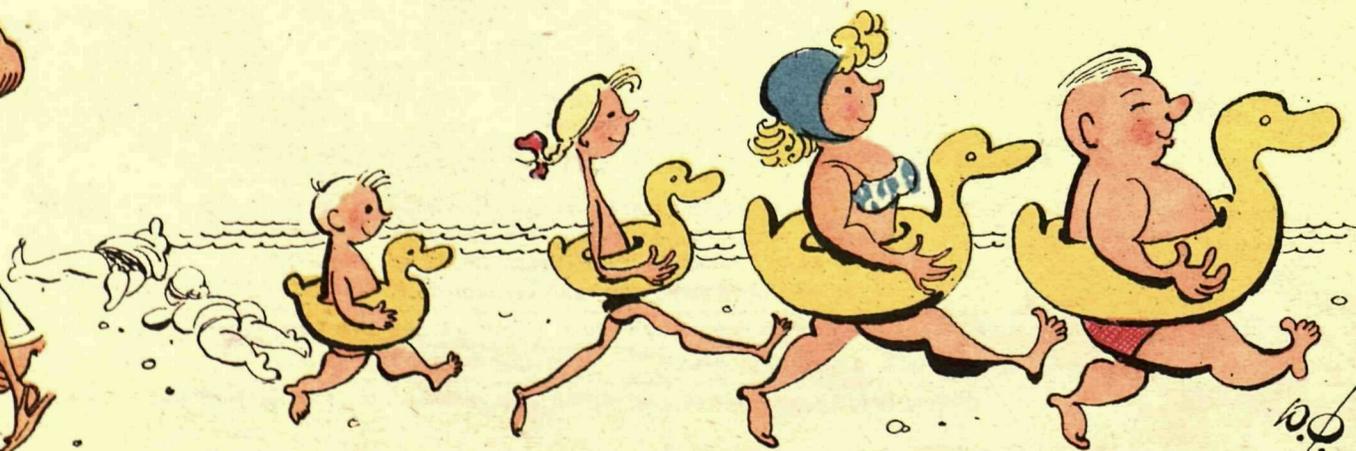
Очки — зеркало души.

Без слов.

Без слов.

Выводок.